

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Дик Фрэнсис

ДОРОГА
СКОРБИ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Сид Холли

Дик Фрэнсис
Дорога скорби

«Азбука-Аттикус»

1995

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Фрэнсис Д.

Дорога скорби / Д. Фрэнсис — «Азбука-Аттикус», 1995 — (Сид Холли)

ISBN 978-5-389-22253-3

Дик Фрэнсис (1920–2010) — один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек — Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все это и послужило материалом для увлекательных романов, ставших бестселлерами во многих странах мира.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22253-3

© Фрэнсис Д., 1995
© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дик Фрэнсис Дорога скорби

Dick Francis

COME TO GRIEF

Copyright © 1995 by Dick Francis

© Е. Я. Дрибинская, перевод, 1999

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

В ноябре 1994 года на втором канале Би-би-си прошел благотворительный аукцион возможностей, «которые нельзя купить за деньги». Одним из лотов было «Ваше имя будет носить персонаж следующей книги Дика Фрэнсиса».

Этот лот достался миссис Патриции Хаксфорд. Дик Фрэнсису доставило большое удовольствие ее появление в романе «Дорога скорби».

Глава 1

Беда работы детектива – а я уже почти пять лет занимался этим делом – в том, что порой случайно открываешь факты, которые ломают жизнь людям.

Он был моим другом, этот всеобщий любимец, а я усадил его на скамью подсудимых.

Решение действовать в соответствии с тем, что я узнал, стоило мне многих дней душевных мук. Я прошел дорогу скорби до конца – от недоверия к самому себе, через отрицание и гнев к решимости – и печали. Я горевал по человеку, которого, как мне верилось, знал и который оказался иным, чужим... подлым. Мне было бы куда легче оплакивать его смерть.

Скандал затронул многих. Пресса, инстинктивно и дружно вставшая на защиту моего друга, устроила мне, его обвинителю, невыносимую жизнь. На ипподромах, где я главным образом и работал, старые знакомые отвернулись от меня. Любовь, поддержка и утешение изливались на него, а во мне видели объект ненависти. Я знал, что этому настанет конец. Надо просто терпеть и ждать.

В то утро, на которое было назначено начало судебного разбирательства, мать моего друга покончила с собой.

Эта новость добралась до зала суда в Ридинге, в Беркшире, когда председатель, облаченный в мантию, уже выслушал первые заявления сторон. Я, как свидетель обвинения, ждал своей очереди в пустой комнате. Один из служащих подошел ко мне, чтобы сообщить о самоубийстве и известить, что судья отложил слушание на один день и что я могу идти домой.

– Бедная женщина! – воскликнул я с неподдельным ужасом.

Несмотря на предполагаемую беспристрастность, симпатии служащего остались на стороне обвиняемого. Так что он неприязненно посмотрел на меня и сказал, что я должен буду вернуться сюда на следующее утро, ровно в десять часов.

Я покинул комнату и медленно двинулся по коридору к выходу. По дороге меня догнал старший юрист коллегии.

– Его мать заказала номер в отеле и выбросилась с шестнадцатого этажа, – сообщил он без предисловий. – Она оставила записку, что не сможет пережить грядущего позора. Что вы об этом думаете?

Я взглянул в темные умные глаза Дэвиса Татума, неуклюжего толстяка с гибким и быстрым умом:

– Вы знаете это лучше, чем я.

– *Сид!* – выдохнул он. – Скажите мне, что *вы* об этом думаете.

– Возможно, он изменит тактику защиты.

Татум расслабился и слегка улыбнулся:

– Вы занимаетесь не той работой.

Я покачал головой:

– Я ловлю рыбу. Ваши парни ее потрошат.

Он добродушно усмехнулся. Я отправился на вокзал, чтобы сесть на поезд и через полчаса прибыть в Лондон, а там поймать такси и проехать на нем последнюю милю до дому. «Джинни Квинт, – думал я по дороге. – Бедная, бедная Джинни Квинт, выбравшая смерть, которую она предпочла вечному стыду. Хлопнуть дверью – и все. Конец слезам. Конец горю».

Такси остановилось на Пойнт-сквер (рядом с Кадоган-сквер), где я жил на первом этаже в доме с балконом, выходящим в садик. Как обычно, на этой небольшой уединенной площади было тихо и малолюдно. Резкий октябрьский ветер рвал листья с деревьев, и время от времени они падали на землю, как мягкие желтые снежные хлопья.

Я выбрался из машины и расплатился с водителем через окно. Когда повернулся, чтобы пересечь тротуар и пройти несколько шагов до входной двери, человек, который вроде бы

мирно шел мимо, яростно рванулся ко мне и взмахнул длинной черной металлической трубой с явным намерением разmozжить мне голову.

Я скорее угадал, нежели увидел направление первого опасного удара и успел отклониться ровно настолько, чтобы пострадало плечо, но голова осталась целой. Человек заорал как бешеный, и я принял второй удар на вскинутое для защиты предплечье. Затем я с силой схватил его за запястье и сбил с ног. Он растянулся на тротуаре, выронив свое оружие. Он выкрикивал оскорбления, ругался и угрожал убить меня.

Такси все еще стояло рядом, мотор работал, а водитель безмолвно смотрел на все это, раскрыв рот, пока я не рванул заднюю дверь машины и не ввалился на сиденье. Сердце глухо стучало. Что было неудивительно.

– Поехали, – нетерпеливо сказал я.

– Но...

– Поехали. *Вперед*. Пока он не поднялся и не перебил вам стекла.

Водитель быстро закрыл рот и вцепился в рычаги.

– Послушайте, – возмущенно сказал он, полуобернувшись ко мне, – я ничего не видел. Это мой последний рейс на сегодня, я обычно заканчиваю в восемь и еду домой.

– Поезжайте, – сказал я. Мысли путались.

– Ну... ладно, куда ехать?

Хороший вопрос.

– Он не похож на грабителя, – обиженно заметил водитель. – Только нынче никогда нельзя сказать наверняка. Он ведь вас сильно ударил. Похоже, он вам руку сломал.

– Поезжайте, ладно?

Водитель был здоровенный лондонец лет пятидесяти, но совсем не Джон Буль, и по тому, как он качал головой, и по подозрительным взглядам, которые он бросал на меня в зеркало, я понимал, что он не хочет оказаться замешанным в мои дела и ждет не дожидается, когда я вылезу из машины.

Я знал только одно место, куда стоило бы поехать. Моя единственная гавань, которая много раз становилась моим убежищем.

– Паддингтон, – сказал я. – Пожалуйста.

– То есть к Святой Марии? В госпиталь?

– Нет. На вокзал.

– Но вы же только что оттуда! – возразил он.

– Да, но, пожалуйста, отвезите меня обратно.

Слегка приободрившись, он развернул машину и поехал к Паддингтонскому вокзалу, где снова заверил меня, что он ничего не видел, ничего не слышал и ни во что не собирается вмешиваться – «понятно?».

Я расплатился и отпустил машину, и если и запомнил ее номер, то по привычке.

Я всегда ношу с собой на поясе мобильный телефон, и теперь, неспешно прогуливаясь по пустой платформе, я набрал номер человека, которому доверял больше всех в мире, – отца моей бывшей жены, контр-адмирала королевского флота в отставке Чарлза Роланда, и, к моему глубокому облегчению, он поднял трубку после второго гудка.

– Чарлз, – сказал я дрогнувшим голосом.

Последовала пауза, затем он спросил:

– Это ты, Сид?

– Можно мне приехать?

– Конечно. Ты где?

– Паддингтон. Я поеду на поезде, потом возьму такси.

– Боковая дверь не заперта, – спокойно сказал Чарлз и положил трубку.

Я улыбнулся. Немногословность Чарлза была так же неизменна, как и его постоянство. Чарлз не любил проявлять чувства, он не относился ко мне по-отечески и не был снисходителен, тем не менее я сознавал, что ему не безразлично происходящее со мной и он предложит мне помощь, если понадобится. Как по некоторым причинам понадобилась она мне сейчас.

Поезда до Оксфорда в середине дня ходили реже, и только в четыре часа местное такси, оставив Оксфорд далеко позади, подъехало к большому старому дому Чарлза в Эйнсфорде и высадило меня перед боковой дверью. Я, неловко действуя одной рукой, расплатился с водителем и с облегчением вошел в дом, о котором думал именно как о доме, об острове среди швырявшего меня во все стороны житейского океана.

Чарлз, по обыкновению, сидел в «кают-компаниях» в старом кожаном кресле, которое мне казалось слишком жестким, но ему нравилось больше других. Здесь стоял его письменный стол, тут же он держал коллекцию рыболовных блесен, книги по навигации, бесценные старые пластинки с оркестровыми записями и сверкающее мрамором и сталью монументальное устройство, на котором он их проигрывал. В этой комнате он повесил на темно-зеленых стенах большие фотографии кораблей, которыми командовал, и фотографии поменьше – своих товарищей, а позднее добавил к ним фотографию, где я беру барьер на челтенхемском ипподроме, – на этом снимке был удачно схвачен миг наивысшей концентрации той энергии, без которой не может быть скачек вообще. Раньше эта фотография висела на видном месте в столовой.

Чарлз читал. Когда я вошел, он положил книгу обложкой вверх на колени и окинул меня ненавязчиво изучающим взглядом. По глазам его, как всегда, ничего нельзя было понять – я часто довольно четко улавливал мысли других людей, но с ним это не проходило.

– Привет, – сказал я.

Я услышал, как он вдохнул и выдохнул через нос. Секунд пять он разглядывал меня, затем указал на строй бутылок и бокалов на столике под моей фотографией.

– Выпей. – Прозвучало это не как предложение, а как приказ.

– Еще только четыре часа.

– Не важно. Что ты сегодня ел?

Я ничего не сказал, и это само по себе было для него ответом.

– Я так и думал, – кивнул он. – Ты выглядишь исхудавшим. А все это чертово дело. Я полагал, что ты собирался сегодня быть в суде.

– Слушание отложено до завтра.

– Выпей.

Я покорно подошел к столу и оценивающе глянул на бутылки. Следуя своему старомодному стилю, Чарлз держал бренди и шерри в графинах. Виски – «Фэймос Гроус», его любимый, – был в бутылке. Хорошо бы выпить виски, подумал я и тут же усомнился, что смогу хотя бы налить себе.

Я посмотрел на фотографию. В те дни, шесть лет назад, у меня были целы обе руки. Тогда я был жокеем, чемпионом Великобритании, лучшим в стипль-чезе. Кошмарное падение окончилось под острыми копытами, которые чуть не оторвали мне левую руку, что означало конец одной карьеры и начало другой. Мало-помалу я стал детективом – но еще два года оплакивал то, что утратил, и дрейфовал по жизни, как обломок потерпевшего крушение корабля. Мне стыдно за те два года. В конце их безжалостный негодяй окончательно искалечил мою руку и сподвиг меня на то, чтобы сделать протез, который работает от батареек и выглядит так натурально, что люди зачастую не обращают на него внимания.

Сейчас проблема заключалась в том, что я не мог отвести на ней большой палец достаточно далеко от других, чтобы взять графин с бренди, а правая рука тоже не слишком меня слушалась. Я оставил эту затею, чтобы не залить бренди персидский ковер Чарлза, и сел в золоченое мягкое кресло.

– Что случилось? – отрывисто спросил Чарлз. – Зачем ты пришел? Почему не пьешь?

Помолчав, я мрачно сказал, зная, что это причинит ему боль:

– Джинни Квинт покончила с собой.

– *Что?*

– Сегодня утром. Она выбросилась с шестнадцатого этажа.

Его костлявое лицо застыло, он как бы мгновенно постарел лет на десять. Глаза потемнели, словно запали в глазницах. Чарлз знал Джинни Квинт чуть ли не больше тридцати лет, любил ее и часто гостил в ее доме.

В моей памяти тоже ожили воспоминания. Воспоминания о приветливой приятной женщине, счастливой в своей роли хозяйки большого дома, безобидно богатой, искренне и великодушно занимавшейся благотворительностью, нежившейся в лучах славы своего знаменитого, красивого, добившегося успеха единственного ребенка, всеобщего любимца.

Ее сына Эллиса я, Сид Холли, его друг, усадил на скамью подсудимых.

В последний раз, когда я видел Джинни, она смотрела на меня с невероятным презрением, желая знать, как это я оказался способен низвергнуть великолепного Эллиса, который любил меня, который доверил бы мне свою жизнь. Я встретил поток ее гнева, не защищаясь. Я в точности знал, что она чувствует. Сомнение, негодование, обиду... Мысль о том, в чем я подозреваю Эллиса, причиняла ей такую боль, что Джинни отвергала самую возможность его вины, как почти все остальные, хотя для нее это было мучительнее.

Большинство людей верили, что я совершенно не прав и что я уничтожил себя самого, а не Эллиса. Даже Чарлз в первый момент с сомнением спросил:

– Сид, ты уверен?

Я сказал, что да, уверен. Я отчаянно надеялся, что это не так... надеялся на любой другой исход... потому что знал, *что* я взвалю на себя, если пойду дальше. И в конце концов все вышло именно так, как я боялся, и даже хуже. После того как разорвалась первая бомба, в виде предположения, – обвинение в преступлении, которое заставило половину страны жаждать крови (но только не крови *Эллиса*, о нет, *нет*, это *немыслимо*), и состоялось первое слушание в суде, заключение под стражу (*скандал*, его должны были, *конечно же*, немедленно выпустить под залог), в прессе наступило мертвое молчание до тех пор, пока не завершится процесс.

По британским законам ни одно свидетельское показание не может обсуждаться публично до суда. За сценой может идти дознание и подготовка к суду, но ни потенциальным присяжным, ни Джону Доу¹ на улицах не позволено знать детали. Неинформированное общественное мнение в результате застыло на стадии «Эллис невиновен», и уже третий месяц не смолкало злословие в мой адрес.

Эллис, видите ли, был сущий Лохинвар Молодой² пиковой масти. Эллис Квинт, в прошлом чемпион среди жокеев-любителей, кометой ворвался на телевизионные экраны. Блистательный, смеющийся, талантливый, приманка для миллионов в спортивных новостях, хозяин ток-шоу, образец подражания для детей, звезда, которая регулярно осчастлиливает нацию. Ему было к лицу все – от тиары до поношенной бейсболки.

Промышленники лезли из кожи вон, чтобы уговорить его упомянуть их продукцию, а половина английских подростков гордо щеголяла в разрекламированных им жокеевских ботинках, заправляя в них джинсы. И вот этого человека, этого кумира я пытался низвергнуть.

Никто, кажется, не упрекал бульварного журналиста, который написал: «Некогда уважаемый Сид Холли, позеленев от зависти, надеется уничтожить талант, с которым он не может сравниться даже в мечтах...» Там было еще много чего насчет «злорадного человечка, который пытается компенсировать собственные недостатки». Ничего этого я не показывал Чарлзу, но другие показали.

¹ Джон Доу – воображаемый истец в судебном процессе, юридическое лицо имярек, простой гражданин.

² Лохинвар Молодой – герой поэмы В. Скотта «Дева озера».

Внезапно висящий на поясе телефон зажужжал, и я ответил на вызов.

– Сид... Сид...

Женщина на другом конце плакала. Я уже не раз слышал, как она плачет.

– Вы дома? – спросил я.

– Нет... В больнице...

– Скажите мне номер, и я тут же вам перезвоню.

Я услышал невнятное бормотание, затем другой голос, уверенный и твердый, продиктовал и медленно повторил номер телефона. Я набрал цифры на своем сотовом телефоне, так что они высветились на маленьком экране «записной книжки», и нажал кнопку «запомнить».

– Хорошо, – сказал я, повторив номер. – Положите трубку.

Потом спросил Чарлза:

– Могу я воспользоваться вашим телефоном?

Он махнул рукой в сторону письменного стола.

Мне ответил тот самый уверенный голос.

– Миссис Фернс еще у вас? – спросил я. – Это Сид Холли.

– Передаю трубку.

Линда Фернс пыталась сдержать слезы.

– Сид... Рэчел стало хуже. Она спрашивает о вас. Вы можете приехать? Пожалуйста.

– Насколько ей плохо?

– Температура все поднимается. – Она всхлипнула. – Поговорите с сестрой Грант.

Я услышал уверенный голос сестры Грант.

– Что с Рэчел? – спросил я.

– Она все время спрашивает о вас, – ответила она. – Когда вы сможете приехать?

– Завтра.

– Вы можете приехать сегодня вечером?

– Что, так плохо?

На том конце воцарилось молчание – она не могла сказать то, что думает, потому что рядом стояла Линда.

– Приезжайте сегодня вечером, – повторила она.

Сегодня вечером? Боже милосердный. Девятилетняя Рэчел Фернс лежала в больнице в Кенте, на расстоянии полутора сотен миль отсюда. Похоже, что в этот раз она при смерти.

– Пообещайте ей, что я приеду завтра, – сказал я и объяснил, где я нахожусь. – Завтра утром я должен быть в Ридинге, в суде, но я приеду повидать Рэчел, как только освобожусь. Обещайте ей. Скажите, что я привезу шесть разноцветных париков и золотую рыбку.

– Я передам, – пообещал уверенный голос и добавил: – Это правда, что мать Эллиса Квинта покончила с собой? Миссис Фернс говорит, кто-то услышал по радио в новостях и передал ей. Она хочет знать, правда ли это.

– Это правда.

– Приезжайте поскорее, – сказала сиделка и положила трубку.

Я тоже положил трубку.

– Что с ребенком? – спросил Чарлз.

– Похоже, она умирает.

– Ты знал, что это неизбежно.

– Родителям от этого не легче. – Я медленно опустился в золоченое кресло. – Я поехал бы сегодня вечером, если бы это могло спасти ей жизнь, но я...

Я умолк, не зная, что сказать.

– Ты только что приехал, – коротко сказал Чарлз.

– Да.

– И о чем еще ты мне не поведал?

Я посмотрел на него.

– Я слишком хорошо знаю тебя, Сид, – сказал Чарлз. – Ты здесь не только из-за Джинни. О ней ты мог бы сказать мне по телефону. – Он помолчал. – Судя по виду, ты приехал по одной очень старой причине. – Он снова помолчал, но я ничего не сказал в ответ. – Ради убежища.

Я шевельнулся в кресле:

– Неужели я такой прозрачный?

– Почему тебе понадобилось убежище? – спросил он. – Так внезапно... и срочно.

Я вздохнул и ответил со всем возможным спокойствием:

– Гордон Квинт пытался убить меня.

Чарлз застыл с открытым ртом.

Я продолжал после паузы:

– Когда они отложили слушание, я поехал домой сначала на поезде, потом на такси. Гордон Квинт ждал меня на Пойнт-сквер. Бог его знает, как долго он там караулил, но, так или иначе, он напал на меня с железной трубой в руке. Он целил в голову, но я уклонился, и удар пришелся по плечу. Он ударил снова... ну, у механической руки есть свои преимущества. Я ухватил его этой рукой за кисть, применил один прием дзюдо, который долго разучивал, и бросил его на асфальт... Он все время кричал, что я убил Джинни...

– Сид!

– Он был вне себя... Он орал, что я уничтожил всю их семью. Разбил им всем жизнь... Он поклялся, что за это я умру... Думаю, он вряд ли понимал, что говорит. Это просто от отчаяния.

Чарлз удивленно спросил:

– И что ты сделал?

– Такси все еще стояло рядом, таксист тупо на это все смотрел, так что... э... я снова сел в машину.

– Ты вернулся в машину? Но... А Гордон?

– Я оставил его там. Он лежал на тротуаре, ругался, потом начал подниматься, размахивая трубой. Я... не думаю, что мне следует идти сегодня домой. Я могу остаться здесь?

Чарлз покачал головой:

– Конечно, ты можешь остаться. Это само собой разумеется. Однажды ты сказал мне, что здесь твой дом.

– Да.

– Так поверь в это.

Я верил в это, иначе не приехал бы. Надежный, все понимающий Чарлз в свое время спас меня от внутреннего разлада, и мое доверие к нему странным образом окрепло, даже после того, как наш брак с его дочерью Дженни закончился разводом.

Эйнсфорд давал мне передышку. Вскоре я вернусь, чтобы бросить вызов Эллису Квинту. Я принесу присягу в суде и выверну этого человека наизнанку. Я поддержу Линду Фернс и, если успею вовремя, рассмешу Рэчел. Но эту единственную ночь я буду сладко спать в доме Чарлза, в отведенной мне комнате, – и пусть пересохший источник душевной стойкости наполнится вновь.

Чарлз спросил:

– Так Гордон... э... ранил тебя?

– Синяк-другой.

– знаю я твои синяки.

Я опять вздохнул:

– Думаю... мм... он сломал кое-что. В руке.

Его взор устремился на левую руку, пластиковую.

– Нет, – сказал я. – В другой.

В ужасе Чарлз спросил:

– Он сломал тебе правую руку?

– Ну да. Всего лишь локтевую кость. По счастью, не лучевую. Лучевая будет действовать как естественная шина.

– Но, Сид...

– Все лучше, чем если бы он проломил мне голову. У меня был выбор.

– Как ты можешь смеяться над этим?

– Чертовски скучно, не так ли? – Я улыбнулся без напряжения. – Не беспокойтесь так, Чарлз. Заживет. Я уже ломал эту кость, и гораздо серьезнее, когда участвовал в скачках.

– Но тогда у тебя было две руки.

– Да. По сему поводу не возьмете ли вы вон тот проклятый графин с бренди и не плеснете ли полпинты обезболивающего в стакан?

Не говоря ни слова, он поднялся и налил мне бренди. Я поблагодарил. Он кивнул.

Усевшись обратно, сказал:

– Значит, таксист был свидетелем.

– Этот таксист относится к категории людей, которые ни во что не вмешиваются.

– Но если он видел... Он должен был слышать...

– Он настаивал, что слеп и глух. – Я с благодарностью пил обжигающую жидкость. – Все равно это меня устраивает.

– Но, Сид...

– Послушайте, – рассудительно сказал я. – Что я, по-вашему, должен делать? Жаловаться? Обвинять? Гордон Квинт – уравновешенный, достойный шестидесятилетний гражданин. Не какой-нибудь убийца. Кроме того, он ваш давний друг, да и я тоже сживал за столом в его доме. Он и без того ненавидит меня за нападки на Эллиса, свет его жизни, а сегодня узнал, что Джинни, его обожаемая жена, покончила с собой, так как не могла вынести того, что ждало впереди. И что, по-вашему, почувствовал Гордон? – Я сделал паузу. – Я только рад, что он не проломил мне череп. И если вы можете в это поверить, я радуюсь за него почти как за самого себя.

Чарлз отрицательно покачал головой.

– Горе может быть опасным, – сказал я.

Он не стал оспаривать это утверждение. Кровная месть стара как мир.

Мы сидели и доверительно молчали. Я пил бренди и приходил в себя. Напряжение спадало. Я поклялся, что больше не буду ввязываться в подобные дела, – но я обещал себе это и раньше и не выполнял обещаний.

Есть сотни способов провести время и заработать на жизнь. Другие бывшие жокеи становились тренерами, комментаторами или работали на скачках, и только я один пытался разгадывать загадки, разрешать сомнения и тревоги людей, которые по разным причинам не хотели утруждать полицию или службы безопасности Жокей-клуба.

Но я был нужен, и было нужно то, что я делал, а иначе я сидел бы и плевал в потолок. Вместо этого даже теперь, в атмосфере всеобщего остракизма, у меня было больше предложений, чем я мог принять.

Обычно заказ занимал у меня меньше недели, особенно если дело касалось проверки чьей-нибудь кредитоспособности: букмекеры частенько просили меня об этом, прежде чем принять чек от нового клиента, а тренеры платили мне за уверенность, что, купи они дорогого двухлетку для новых владельцев, не останутся с пустыми обещаниями и кучей долгов. Я проверял предложенные бизнес-планы и тем уберег множество людей от мошенников. Я находил скрывающихся должников, воров разного рода и прослыл среди преступников отъявленным занудой.

Случалось, одни люди плакали у меня на плече от радости и облегчения, другие угрозами и побоями пытались заставить меня замолчать. Линда Фернс питала ко мне добрые чувства, а Гордон Квинт – ненавидел. И еще у меня на руках было два дела, которым я уделял слишком мало времени. Так почему я не бросил все это и не променял на спокойную и безопасную жизнь? Я ведь был бы совсем не плохим финансовым менеджером. Я ощущал последствия удара трубой от шеи до кончиков пальцев... и не находил ответа.

Опять зажужжал мой телефон. Это звонил старший юрист, с которым я говорил в коридоре суда.

– Сид, это Дэвис Татум. У меня новость, – сказал он.

– Дайте мне свой номер, я перезвоню.

– Что? А, о'кей. – Он продиктовал номер. Я снова воспользовался телефоном Чарлза.

– Сид, – сказал Татум, прямолинейный, как всегда. – Эллис Квинт изменил свою линию защиты – от невиновности до виновности с уменьшением ответственности. Кажется, от такого действенного подтверждения его матерью того, что она не уверена в его невиновности, у его адвокатов расслабило животы.

– Боже, – сказал я.

Татум усмехнулся. Я представил, как колыхнулся его двойной подбородок.

– Суд теперь отложат на неделю, чтобы психиатры сделали свое заключение. Другими словами, вам не нужно завтра приезжать.

– Это хорошо.

– Но я надеюсь, что вы приедете.

– Что вы имеете в виду?

– Тут есть для вас работа.

– Какого рода?

– Расследование, конечно. Что же еще? Я бы хотел лично встретиться с вами где-нибудь.

– Хорошо, но завтра я должен ехать в Кент, провести девочку, Рэчел Фернс. Она опять в больнице, и ей плохо.

– Черт.

– Согласен.

– Где вы? – спросил Татум. – Пресса вас ищет.

– Они могут подождать денек.

– Я сказал людям из «Памп», что после издевательства, которое они над вами учинили, могут и не мечтать о встрече с вами.

– Я это ценю, – улыбнулся я.

Он усмехнулся:

– Так как насчет завтрашнего дня?

– Утром я еду в Кент, – сказал я. – Не знаю, сколько я там пробуду, это зависит от Рэчел. Как насчет пяти часов в Лондоне? Подходит? Конец вашего рабочего дня.

– Хорошо. Где? Только не у меня в офисе. В вашем, наверное, тоже не стоит, если «Памп» гоняется за вами.

– А как насчет, скажем, бара в ресторане «Ле Меридиен» на Пикадилли?

– Не знаю такого.

– Тем лучше.

– Если мне понадобится что-то изменить, я могу позвонить вам на сотовый телефон?

– Всегда.

– Отлично. Увидимся завтра.

Я положил трубку и снова уселся в кресло. Чарлз посмотрел на сотовый телефон, который я на этот раз положил на стол рядом со стаканом, и задал напрашивающийся вопрос:

– Почему ты перезваниваешь им? Почему бы тебе просто не поговорить?

– Ну, эту штуку кто-то прослушивает.

– Прослушивает?

Я объяснил, что открытая радиопередача небезопасна, потому что позволяет всякому достаточно знающему и ловкому человеку слушать то, что для него не предназначено.

– И что тебя навело на эту мысль?

– Множество мелочей, которые недавно стали известны разным людям и о которых я с ними не говорил.

– И кто же это?

– Я точно не знаю. А еще кто-то залез в мой компьютер по сети. Кто – я тоже не знаю. Сейчас это на удивление легко – но опять же только для специалиста – взломать личные пароли и прочесть секретные файлы.

Слегка нетерпеливо Чарлз заметил:

– Компьютеры не по моей части.

– А мне пришлось научиться. – Я коротко усмехнулся. – Это не намного сложнее скачек с препятствиями в Пламптоне в дождливый день.

– Все, что ты делаешь, поражает меня.

– Я хотел бы остаться жокеем.

– Да, я знаю. Но даже если бы все было хорошо, тебе все равно пришлось бы вскоре оставить это дело, ведь так? Сколько тебе уже? Тридцать четыре?

Я кивнул. Скоро будет тридцать пять.

– Немногие жокеи продолжают выступать, став старше.

– Чарлз, вы делаете жизнь такой приятно простой.

– Ты приносишь больше пользы людям на своем нынешнем месте.

Чарлз имел обыкновение вести разговоры, вселяющие бодрость духа, когда считал, что мне это нужно. Однажды он сказал о том, что я похож на кирпичную стену, – когда замыкаюсь в себе и отгораживаюсь от всего света, дела плохи. Может быть, он и прав. Но по-моему, замкнуться в себе вовсе не означает отрешиться от внешнего мира. Даже если окружающие думают иначе.

Дженни, моя любимая и ныне бывшая жена, сказала, что не сможет с этим жить. Она хотела, чтобы я оставил скачки и стал помягче, а когда я не захотел – или не смог, – мы разошлись. Она недавно снова вышла замуж и на этот раз связала свою жизнь не с тощим темно-волосым клубком комплексов, склонным к риску, а с мужчиной, который больше ей подходит, – надежным, седеющим, приветливым и незакомплексованным человеком с рыцарским званием. Дженни, воинственная и несчастливая миссис Холли, стала теперь безмятежно спокойной леди Вингхем. Ее фотография с сэром Энтони, красивым и довольным, стояла в серебряной рамке у Чарлза на столе рядом с телефоном.

– Как там Дженни? – вежливо спросил я.

– Прекрасно, – без выражения ответил Чарлз.

– Хорошо.

– По сравнению с тобой он человек скучный, – отметил Чарлз.

– Вам не следует так говорить.

– В своем собственном доме я могу говорить все, что мне заблагорассудится.

В согласии и взаимном удовольствии мы провели тихий вечер, течение которого нарушили только пять вызовов по моему сотовому телефону: всем с разной степенью безапелляционности требовалось узнать, где они могут найти Сиду Холли. Каждый раз я отвечал:

– Это справочная служба. Оставьте номер своего телефона, и мы передадим ваше послание.

Все звонившие, кажется, работали в газетах, чем я был несколько озадачен.

– Не знаю, как они все разнюхали этот номер, – сказал я Чарлзу. – Он нигде не значится. Я даю его только тем людям, с которыми работаю, звонки которых не хочу пропускать, чтобы они могли связаться со мной днем и ночью. Я говорю им, что это личная линия связи только для них. Этот номер не указан на моей визитной карточке, его нет в моих записях. Я довольно часто переадресовываю на этот номер звонки со своего домашнего телефона, но сегодня я этого не сделал из-за Гордона Квинта. Так откуда половина газетчиков Лондона узнала номер?

– Как ты будешь это выяснять? – спросил Чарлз.

– Ну... думаю, что найму Сиды Холли.

Чарлз засмеялся. Мне было немного не по себе. Кто-то прослушивал этот номер, а теперь кто-то его разгласил. Не то чтобы мои телефонные разговоры были совершенно секретными – я обзавелся номером с ограниченным доступом почти единственно ради того, чтобы телефон не жужжал без необходимости в самые ответственные моменты, – но теперь у меня было такое чувство, что кто-то умышленно оказывает на меня давление. Кто-то влез в мой компьютер – не очень глубоко, поскольку я знаю множество способов защиты. Кто-то достает меня через электронику. Выслеживает.

Довольно – значит довольно. Пять репортеров – это слишком. Сид Холли, как я сказал, займется решением этой загадки.

Миссис Кросс, домохозяйка Чарлза, приготовила нам простой ужин и хлопотала вокруг меня, как наседка. С некоторым чувством вины я иногда находил ее заботы слишком назойливыми, но всегда посылал ей открытки ко дню рождения.

Я рано отправился в постель и, как всегда, обнаружил, что миссис Кросс зажгла в моей комнате свет, приготовила свежую пижаму и пушистые полотенца.

Какая жалость, что дневные неприятности нельзя забыть так легко.

Я разделся, почистил зубы и снял протез. Левая рука «кончалась» в четырех дюймах ниже локтя – привычно, но все же до сих пор напоминает об утрате.

Правая рука при каждом движении болела нестерпимо.

«Черт бы все побрал», – подумал я и провалился в сон.

Глава 2

Утро не принесло облегчения.

Я иногда пользовался услугами одной лондонской частной фирмы, которая предоставляла автомобиль с шофером, для того чтобы перевозить людей и вещи, которые я хотел укрыть от слишком любопытных взглядов. Поскольку обе руки у меня были не в порядке, я позвонил от Чарлза, с его безопасного телефона, своим друзьям в «Теле-Драйв»:

– Боб? Мне нужно попасть из места к северо-западу от Оксфорда в Кент, в Кентербери. По дороге сделать пару коротких остановок, а примерно во второй половине дня вернуться в Лондон. Это возможно?

– Давай адрес, – тут же сказал он. – Мы выезжаем.

Я позавтракал вместе с Чарлзом. Миссис Кросс на свой старомодный лад накрыла стол: тосты, кофе, каша и омлет. Чарлз не представлял себе утра без яиц. Он ел и смотрел, как я пью кофе, пользуясь только левой рукой. Зная мою нелюбовь к объяснениям, он не делал никаких замечаний касательно железных труб.

Он читал газету, которая, как он мне дал понять, сделала сенсацию из смерти Джинни Квинт. Две колонки занимала фотография, на которой Джинни улыбалась. Я постарался не думать о том, как она могла выглядеть после падения с шестнадцатого этажа.

Чарлз прочитал вслух:

– «Друзья говорят, что она была удручена предстоящим судом над сыном. Ее муж Гордон отсутствует». Другими словами, репортеры не могут найти его.

«Суровое испытание прессой, – подумал я. – Мучение последних нескольких дней».

– Как ты считаешь, Сид, – сказал Чарлз самым своим спокойным и вежливым тоном, – ярость Гордона была преходящей или... э-э-э... маниакальной?

– Я считаю, – повторил я за ним, – что не стоит судить так поспешно. Гордон, возможно, и сам этого не знает.

– Будь осторожен, Сид.

– Разумеется. – Я проанализировал впечатления, оставшиеся у меня от коротких секунд нападения на Пойнт-сквер. – Не знаю, где была Джинни, когда она выбросилась из окна, но не думаю, что Гордон был с ней. Я имею в виду то, что, когда он напал на меня, он был одет так, как одевался во время пребывания в деревне. Ботинки в грязи, вельветовые брюки, старая твидовая куртка, голубая рубашка с открытым воротом. А металлическая труба, которой он ударил меня... Это был не прут, а двухфутовый кусок стального столба, вроде тех, на которые крепят сетчатые ограды. Я видел в нем дырки для проволоки.

Чарлз выглядел изумленным.

Я продолжал:

– Думаю, что он был дома, в Беркшире, когда ему сказали о Джинни. Если бы я поискал в окрестностях, то нашел бы «лендровер» Гордона где-нибудь поблизости от Пойнт-сквер.

Гордон Квинт, хотя и был землевладельцем, сам работал на своих акрах. Он водил трактор, косил траву, вместе с работниками чинил изгороди, огораживал пастбища и прореживал лес, наслаждаясь как самим физическим трудом, так и удовлетворением от хорошо сделанной работы.

Я знал, что он к тому же любит себя и ждет восхищения всех вокруг, включая Джинни. Ему доставляло удовольствие быть радушным хозяином, чтобы у его гостей не возникало сомнений в его превосходстве.

Человек, которого я видел на Пойнт-сквер, забыл все свои «помещичьи» манеры и был грубым, жестоким, разъяренным – и странным образом куда более естественным, чем тот Гордон, которого я помнил. Но пока я не узнаю наверняка, каким еще образом может проявить

себя эта сторона его натуры, я постараюсь держаться подальше от труб и всех остальных сельскохозяйственных приспособлений, которые имеются у него под рукой.

Я сказал Чарлзу, что позвонил в «Теле-Драйв» и они за мной приедут. Он вскинул брови, и я объяснил ему, что вставлю цену в счет расходов.

– Каких таких расходов?

– А текущих, – ответил я.

– Миссис Фернс платит тебе? – нейтральным тоном спросил Чарлз.

– Уже нет.

– А кто тогда? – Ему нравилось, когда я получал прибыль. Я и получал, но он редко верил этому.

– Я не голодаю, – сказал я, глотая кофе. – А вы не пробовали добавлять три или четыре яйца в грибной суп? Получается грибной омлет, быстро и не так чтобы плохо.

– Отвратительно, – поморщился Чарлз.

– Все выглядит иначе, когда живешь один.

– Тебе нужно снова жениться. Как насчет той девушки, которая снимала квартиру вместе с Дженни в Оксфорде?

– Луиза Макиннс?

– Да. Я думал, что вы состояли в любовной связи.

Любовных связей больше не заводят. Слова Чарлза опоздали на полвека. Но хотя называлось это по-другому, само явление было вечным.

– Летний пикник, – сказал я. – Мороз убил его.

– Почему?

– Она испытывала ко мне скорее любопытство, чем любовь.

Он это хорошо понимал. Дженни рассказывала своей подруге обо мне так много и подробно и по большей части не в мою пользу, что – как я понял уже потом – подруге захотелось проверить информацию лично. Это была легкая пробежка от встречи до расставания. Приятно, но неглубоко.

Когда машина приехала, я поблагодарил Чарлза за то, что он приютил меня.

– В любое время дня и ночи, – кивнул он.

Мы расстались, как обычно, без рукопожатия. Все сказали взгляды.

Предоставив водителю выбирать путь по городку Кингстаун в Суррее от одной стоянки до другой, я купил шесть разноцветных париков в магазине подарков, а в зоомагазине – золотую рыбку в пластиковой банке. Вооружившись таким образом, я наконец прибыл к клинике для детей, больных раком, в которой находилась Рэчел Фернс.

Линда встретила меня с блестящими от слез глазами, но ее дочь была все еще жива. На самом деле во время одного из этих непредсказуемых колебаний, которые делают лейкоз похожим на непрерывный переход от надежды к отчаянию, Рэчел стало немного лучше. Она не спала – полусидела в постели – и обрадовалась моему приезду.

– Вы привезли золотую рыбку? – требовательно спросила она вместо приветствия.

Я показал на банку, покачивавшуюся в моей искусственной руке. Линда взяла ее, сняла водонепроницаемую крышку и показала дочери сверкающую черно-золотую рыбку, которая кружила внутри.

Рэчел смягчилась:

– Я назову ее Сид.

Некогда она была живым очаровательным ребенком со светлыми волосами, если судить по фотографиям. Теперь остались только огромные глаза и лысая головка. Апатия и анемия сделали ее пугающе хрупкой.

Когда ее мать впервые обратилась ко мне, чтобы я занялся расследованием нападения на пони Рэчел, болезнь девочки была в стадии ремиссии, дракон на время заснул. Рэчел стала

для меня кем-то особенным, и я подарил ей аквариум с лампочками, аэрацией, водорослями, готическим замком, песком и сверкающими тропическими обитателями. Линда расплакалась. Рэчел часами наблюдала за жизнью своих новых друзей: одни прятались по углам, другие распорядились всем. Половина рыбок носила имя Сид.

Аквариум стоял у Фернсов дома, в гостиной, и было неясно, увидит ли Рэчел нового Сида в компании ему подобных.

Именно там, в удобной среднего размера комнате с дорогими современными диванами, стеклянными столиками и цветными лампами от Тиффани, я впервые встретился со своими клиентами – Линдой и Рэчел Фернс.

В комнате не было книг, только несколько журналов, посвященных моде и лошадям. Светлые занавески в малиново-кремовую полоску, ковер с геометрическим узором в серых и желтовато-коричневых тонах, светло-розовые обои. Все это создавало впечатление некоторой несогласованности, что, вероятно, отражало характер хозяев. Состояние Фернсов не относится к числу «старых», решил я, но денег у них хватает.

Линда Фернс позвонила мне и упростила приехать. На пять или шесть пони в округе были совершены варварские нападения, и один из этих пони принадлежал ее дочери. Полиция не нашла преступников, прошел уже месяц, а ее дочь все еще очень подавлена, и – «пожалуйста, ну пожалуйста» – не смогу ли я приехать и посмотреть, нельзя ли помочь.

– Мне сказали, что вы – моя единственная надежда. Я заплачу вам, конечно заплачу. Я заплачу вам сколько угодно, если вы поможете Рэчел. Ей снятся кошмары. Пожалуйста!

Я назвал свой гонорар.

– Все что угодно, – обрадовалась она.

Пока я не приехал в деревню неподалеку от Кентербери, она не сказала мне, что Рэчел смертельно больна.

Когда я встретился с большеглазой лысой девочкой, она серьезно пожала мне руку.

– Вы правда Сид Холли? – спросила она.

Я кивнул.

– Мама сказала, что вы приедете. А папа сказал, что вы не работаете для детей.

– Иногда работаю.

– У меня отрастают волосы, – сказал она, и я увидел редкие светленькие завитки на бледном черепе.

– Я рад.

Она кивнула:

– Я частенько ношу парики, но они чешутся. Ничего, что я без парика?

– Ладно уж.

– У меня лейкоз, – спокойно сказала она.

– Вижу.

Рэчел изучала мое лицо – девочка выглядела старше своих лет, как и все больные дети.

– Вы найдете того, кто убил Силвербоя, правда?

– Я попытаюсь, – сказал я. – Как его убили?

– Нет-нет, – вмешалась Линда. – Не спрашивайте ее. Я расскажу вам. Она так волнуется. Просто скажите, что найдете этих свиней. Рэчел, возьми Пеготти в садик и покажи ему цветы.

Пеготти, как выяснилось, был довольным толстощеким младенцем, упакованным в коляску. Рэчел без возражений вывезла его в садик, и мы увидели в окно, как она знакомит его с азалией.

Линда Фернс посмотрела на них и заплакала.

– Ей нужна пересадка костного мозга, – объяснила она, пытаясь справиться с рыданиями. – Можно подумать, что это просто, но ей не смогли найти ничего подходящего, даже в международном регистре «Энтони Нолан траст».

– Простите, – не к месту сказал я.

– С ее отцом мы в разводе, – продолжила Линда без тени горечи. – Развелись пять лет назад, и он снова женился. Такое бывает.

– Да.

Я приехал в дом Фернсов в начале июня, стоял солнечный день, напоенный сладким запахом роз, – совсем не время для ужасов.

– Шайка вандалов, – сказала Линда с яростью, от которой содрогнулась всем телом. – Они покалечили множество пони в Кенте... и у нас в округе... бедные детишки входили в загоны и обнаруживали, что их любимые пони изранены. Что это за сумасшедшие могли ослепить бедного беззащитного пони, который никому не причинил никакого зла? Три пони были ослеплены, другим воткнули ножи в задний проход. – Она смахнула слезы. – Рэчел была потрясена. Все дети в округе безутешно плакали. А полиция не может найти тех, кто это сделал.

– Силвербой ослепили? – спросил я.

– Нет... нет... хуже... Для Рэчел это куда хуже. Она нашла его, понимаете... возле загона... – Линда всхлипнула. – Рэчел хотела спать во временном стойле... на самом деле это просто навес. Она хотела спать там и чтобы Силвербой был привязан рядом, а я ей не разрешила. Она больна уже почти три года. Это такая страшная болезнь, и я чувствую себя такой беспомощной... – Она вытерла глаза салфеткой, вынув ее из полупустой коробки. – Рэчел говорит, что это не моя вина, но я знаю – она думает, что Силвербой остался бы жив, если бы я позволила ей спать там.

– Что с ним случилось? – спросил я нейтральным тоном.

Линда жалко кивнула, не в силах говорить. Она была симпатичной женщиной старше тридцати – стройная фигура, ухоженные короткие светлые волосы, образец здоровой и красивой женщины с журнальной обложки. Только тоска во взгляде и сотрясающая ее время от времени дрожь свидетельствовали о постоянном напряжении.

– Рэчел пошла туда, – наконец сказала Линда. – Хотя было очень холодно и начинался дождь... февраль... Она всегда ходила проверить, чтобы его поилка была полной, чистой и вода не замерзала... Я одела ее потеплее, закутала шарфом и надела теплую шерстяную шапку... Рэчел прибежала обратно с криком... она кричала...

Я ждал, когда Линда справится с невыносимыми воспоминаниями.

– Рэчел нашла его ногу, – решительно выпалила Линда.

Наступила тишина – как отголосок оглушающего неверия того страшного утра.

– Это было во всех газетах.

Я кивнул. Я читал – несколько месяцев назад – об ослепленных пони в Кенте. Я тогда был занят и потому невнимателен – не запомнил ни имен, ни деталей, даже не отметил, что у одного пони отсекли ногу.

– После того как вы позвонили мне, – сказал я, – я выяснил, что не только здесь, в Кенте, было совершено примерно полдюжины актов вандализма против пони и лошадей на пастбищах.

– Я читала о случае с лошастью в Ланкашире, но спрятала газету, чтобы Рэчел ее не увидела. Каждый раз, когда ей что-то напоминает о Силвербое, ей неделями снятся кошмары. Она просыпается вся в слезах. Прибегает ко мне в постель, дрожит и плачет. Пожалуйста, ну пожалуйста, выясните за чем... найдите кто... Она так больна... и хотя сейчас у нее ремиссия и она может жить нормально, это почти наверняка ненадолго. Врачи говорят, что ей нужна пересадка.

Я спросил:

– Рэчел знает каких-нибудь других детей, у которых пострадали пони?

Линда покачала головой:

– Полагаю, большинство из них – члены Пони-клуба, но Рэчел не очень хорошо себя чувствует, чтобы посещать его. Она любила Силвербоя – его подарил ей отец, – но все, что она могла, – это сидеть в седле, когда мы водили его под уздцы. Он был милым спокойным пони, очень симпатичным – серый с дымчатой гривой. Рэчел назвала его Силвербой, Серебряный, но у него было длинное имя, записанное в родословной. Ей нужно было кого-то любить, понимаете, и она так хотела пони.

– Вы сохранили какие-нибудь газеты, которые писали о Силвербое и других пострадавших пони? Я могу взглянуть на них?

– Да, – неуверенно ответила она. – Но я не вижу, чем это может помочь. Полиции не помогло.

– Эти газеты дадут нам отправную точку, – сказал я.

– Ну тогда ладно.

Она вышла из комнаты и вскоре вернулась, неся маленький синий кейс, размеры которого как раз позволяли уместить его под сиденьем в самолете.

– Все здесь, – сказала она, протягивая мне кейс. – Включая запись телепрограммы, на которой были мы с Рэчел. Не потеряйте, ладно? Мы никогда ее не показываем, но я не хотела бы ее потерять. – Она сморгнула слезинку. – Это был единственный проблеск в том кошмаре. Эллис Квинт приехал, чтобы встретиться с детьми, и был очень мил. Рэчел его любит. Он такой замечательный.

– Я его довольно хорошо знаю, – сказал я. – Если кто умеет утешать детей, так это он.

– Он действительно приятный человек.

Я взял синий кейс, заключающий в себе тяжесть множества маленьких трагедий, в Лондон и провел несколько часов, с негодованием читая рассказы о нанесенных пони увечьях, которые должны были просто сводить с ума обнаруживших их детей.

Двадцатиминутная видеозапись показывала Эллиса Квинта во всем блеске: мягкий, сострадательный целитель невыносимых печалей, чувствительный, заботливый комментатор, побуждающий полицию отнестись к этим преступлениям серьезно, как к убийствам. Я подумал: как хорошо он умеет добиваться нужной реакции зрителей. Он обнимал Рэчел и говорил с ней без сентиментальности и до самого конца программы, когда детей уже не было на экране, не сказал ничего о том, что для Рэчел Фернс утрата пони – это еще один нестерпимый удар в ее жизни, и без того тяжелой.

Для участия в программе Рэчел выбрала симпатичный светлый парик, в котором выглядела так же, как и до химиотерапии. Как завершающий драматический штрих Эллис показал на несколько секунд фотографию безволосой и хрупкой Рэчел – опустошающе горький финал.

Я не видел программу, когда она выходила в эфир в марте, – я был тогда в Америке и пытался разыскать скрывающегося владельца лошади, который не уплатил по совершенно чудовищному счету. Так или иначе, я не видел многих программ Эллиса – его двадцатиминутное шоу показывали два раза в неделю в составе часовой программы спортивных новостей, так что Эллис появлялся на экране слишком часто, чтобы каждое его явление приветствовать фанфарами.

Встретив Эллиса на скачках, как обычно, я рассказал ему о звонке Линды Фернс и спросил, не разузнал ли он чего нового о кентских пони.

– Сид, дружище, – улыбнулся он, – все это было несколько месяцев назад, так?

– Пони калечили в январе и феврале, а твоя программа вышла в марте.

– А сейчас у нас июнь, верно? – Он покачал головой без огорчения или удивления. – Ты же знаешь, на что похожа моя жизнь. У меня есть специальные люди, которые разыскивают для меня разные истории. Телевидение – это ненасытная прорва. Конечно, если бы с этими пони что-нибудь прояснилось, я бы сказал и непременно сделал бы продолжение, но мне ничего не известно.

– Рэчел Фернс, девочке, больной лейкозом, до сих пор снятся кошмары.

– Бедная девочка.

– Она сказала, что ты был очень добр.

– Ну... – он мотнул головой, – это не так уж сложно. Честно говоря, та программа сделала чудеса с моим рейтингом. Сид, ты знаешь что-нибудь об этом скандале с букмекерами, который я предполагаю выставить на всеобщее обозрение на следующей неделе?

– Вообще ничего, – с сожалением сказал я. – Но, Эллис, возвращаясь к этим нападениям, – ты не следил за другими несчастными случаями с чистокровными жеребятами и двухлетками?

Он легко пожал плечами:

– Мои агенты считают, что эти случаи достойны лишь пары упоминаний. Это дело раздражателей. Я имею в виду – тут нет ничего столь же сильного, как эта история о детях. – Он усмехнулся. – Ничего, что задевает за душу.

– Ты циник, – сказал я.

– Да разве все мы не циники?

Мы много лет были близкими друзьями – Эллис и я. Мы состязались на скачках: он – как одаренный любитель, я – как преданный делу профи, но в нас обоих был тот внутренний огонь, который делает скачки с препятствиями на полудиких лошадях со скоростью тридцать миль в час вполне приемлемым способом проводить время.

Подумав о том, что, раз за три или четыре месяца ни полиция, ни программа Эллиса Квинта не добились результатов, я тоже могу потерпеть неудачу в поисках вандалов, я тем не менее сделал все возможное, чтобы отработать свой гонорар, и зашел с другого боку – стал задавать вопросы не владельцам пони, а журналистам, которые писали об этом в газетах.

Я методически опрашивал их по телефону, начав с местных кентских газет и перейдя затем к репортерам ежедневных лондонских газет. Большинство ответов были одинаковыми: история стала известна из сообщения агентства новостей, которое снабжает все газеты информационными сводками. Продолжения и интерпретация – это уже дело самой газеты.

Из всех газет, которые дала мне Линда Фернс, «Памп» раздула это дело самым отвратительным образом, и после примерно шести звонков я наткнулся на человека, который буквально прожигал дырки в печатных страницах своим пылом. Это был Кевин Миллс, главный репортер «Памп».

– Выпить кружечку? Почему бы и нет, – откликнулся он на мое приглашение.

Он встретился со мной в пабе (хорошо, когда кругом тебя никто не знает) и рассказал мне, что сам лично ездил в Кент ради этой истории. Он взял интервью у всех детей и их родителей, а еще у одной свирепой дамы, которая возглавляла отделение Пони-клуба, и так надоел полиции, что они вышвырнули его вон.

– Поразительно, – сказал он, попивая джин с тоником, – никто не заметил ничего. Все эти пони были на пастбищах, на всех совершенно нападение в какой-то момент между закатом и восходом, что дает вандалам в январе и феврале несколько часов на то, чтобы сделать свое дело и удрать.

– Но ведь ночью темно, – сказал я.

Он покачал головой:

– Все нападения происходили в светлые ночи, близко к полнолунию и в само полнолуние каждого месяца.

– И сколько их было, ты не помнишь?

– В январе сразу четыре. Два пони были ослеплены. Еще было две кобылы с резаными ножевыми ранами в их... ну, в родильном проходе, как заставил меня написать наш разборчивый редактор.

– А в феврале?

– Один ослеплен, еще две порезанные кобылы, одна отсеченная нога. Бедная девочка нашла эту ногу рядом с поилкой, из которой пил ее пони. Эллис Квинт сделал об этом великолепную телепрограмму. Ты ее не видел?

– Я был в Америке, но слышал о ней.

– Анонсы этой программы шли всю неделю. Ее смотрела почти вся страна. Она вызвала чудовищную волну. Этот пони был последним пострадавшим в Кенте, насколько мне известно. Полиция думает, что это была местная банда подонков, которые почуяли, куда ветер дует. А люди перестали выпускать пони на неохраемые пастбища, понятно?

Я заказал ему еще выпивку. Кевин был человеком средних лет, наполовину облысевшим, с небольшим брюшком. Он утер тыльной стороной ладони свои усы и сказал, что за свою карьеру брал интервью у стольких родителей изнасилованных и убитых девочек, что делать материал о пони было большим облегчением.

Я спросил его о подражаниях – последующих нападениях на чистокровных лошадей в других местах, не только в Кенте.

– Подражание? – переспросил он. – Это они так говорят.

– А что?

– Все остальные были не такими кучными, как в Кенте. Насколько мне известно – а могли быть и другие, – было еще пять очень молодых лошадей, жеребят и годовичков, с которыми происходили отвратительные вещи, но ни один из них не был ослеплен. Одному рассекли морду. Кобыл среди них не было. Но... – Он заколебался.

«Уверен в истинности фактов, – подумал я, – но не в моей реакции на них».

– Продолжай.

– Понимаешь, там были три двухлетки, и у каждой из них была отрублена нога.

Я почувствовал то же отвращение, которое видел у него на лице.

– Один жеребец в марте, – сказал он. – Один в апреле. Один в мае.

– И не в полнолуние?

– Не совсем. Просто в лунные ночи.

– Но почему ты не написал об этом?

– Меня посылали писать о крупных бедствиях, – терпеливо объяснил он. – Воздушные катастрофы, массовые убийства, десятки несчастных случаев. Какой-то псих, который раз за разом рубит ноги лошадям, – это не самое главное, но, может быть, я этим займусь. Агентство новостей ничего на этот счет не добыло, но я намерен почитать провинциальные газеты. Старая привычка. Где-нибудь да промелькнет что-то о нападениях на животных. Такое постоянно случается. Лошади, овцы, собаки – психи ко всем тянут свои грязные лапы. Давай займемся, и, если в этом месяце еще что-нибудь такое случится, я буду не прочь обсудить это за кружкой. А пока не отдавай чего накопишь... в другие газеты. Я хочу получить свою сенсацию.

– Буду молчать, – пообещал я. – Если...

– Если что? – с подозрением спросил он.

– Если ты сможешь дать мне список людей, чьи чистокровные лошади стали жертвами.

– Это будет тебе кое-чего стоить, – предупредил Кевин.

– Согласен, – ответил я, и мы сошлись в цене и в том, что я ему первому отдам любую историю, которую раскопаю.

Он выполнил свои обязательства в тот же день, прислав с курьером запечатанный коричневый пакет с фотокопиями небольших заметок из газет Ливерпуля, Ридинга, Шрусбери, Манчестера, Бирмингема и Йорка. Во всех газетах указывались имена и адреса владельцев пострадавших лошадей, так что я сел в машину и навестил их.

Четыре дня спустя, когда я вернулся в дом Линды Фернс в Кенте, я уже наслушался о негуманном отношении людей к лошадям столько, что хватит на всю жизнь. Причиненные увечья и в самом деле превосходили все мыслимые пределы, но по сравнению с тем, что случи-

лось с тремя двухлетками, все они были случайными и цельной картины не составляли. Связь прослеживалась в случаях с отрубленными ногами.

– Я нашла его ногу возле поилки на пастбище, – сказала мне одна женщина. – Я не могла в это поверить. Просто нога. Правду говоря, меня вырвало. Он был такой симпатичный жеребчик. – Она вздохнула. – Его не было возле этой ноги. Он бродил неподалеку на трех ногах и щипал траву. Просто пасся, как будто ничего не случилось. Похоже, он совсем не чувствовал боли.

– Что вы сделали? – спросил я.

– Я вызвала ветеринара. Он приехал... Он дал успокаивающее *мне*. Он сказал, что мне это нужно больше, чем жеребцу.

– Был ли ваш жеребец застрахован?

Она не обиделась на этот вопрос. Я подумал, что ее уже много раз об этом спрашивали. Страховки не было. Они сами разводят чистокровных лошадей, сказала она. В этот день они были на состязаниях в Челтенхеме и выиграли Золотой кубок – это был день триумфа, а на следующее утро...

Я спросил имя и адрес ветеринара и отправился навестить его.

– Как была отрублена нога? – спросил я.

Ветеринар наморщил лоб:

– Я точно не помню. Сделано было аккуратно, кровь почти не шла. На траве примерно в ярде от отрубленной ноги была лужа крови – и все. Жеребец позволил мне подойти. Он выглядел спокойно и нормально, вот только передняя нога кончалась у щетки.

– Это было сделано топором?

Он задумался:

– Я бы сказал, что, скорее, это было мачете. Всего один удар, быстрый и точный. Тот, кто это сделал, знал, куда целиться, если только это было не просто везение.

– Вы говорили с полицией?

– Конечно. Приехал детектив в чине сержанта. Его тоже вырвало. Потом я позвал живодеков, и они завалили жеребца. Проклятые вандалы! Я бы им самим ноги поотрубал и посмотрел, как им понравится ковылять на обрубках.

Тут он вспомнил о моей покалеченной руке и покраснел, смущенный и сконфуженный. Это дело насчет моей руки было шумным. Все знали, что произошло. Я в конце концов перестал вздрагивать, когда мне об этом напоминали.

– Да ничего, – сказал я.

– Простите. Язык у меня длинный...

– Как вы думаете: может, ампутацию произвел ветеринар? Или кто-то, знакомый с хирургией? Было ли это сделано скальпелем? Делали ли жеребцу местную анестезию?

– Не знаю, – расстроено сказал он. – Я только могу сказать, что, кто бы это ни сделал, он умеет обращаться с лошадьми. Этот жеребец бродил на пастбище, хотя и был обьезжен.

Я поехал повидаться с сержантом, который выглядел так, будто от одного воспоминания его опять вывернет наизнанку.

– Я видел множество покалеченных людей. И трупы тоже видел, – сказал он. – Но это совсем другое дело. Бессмысленное. У меня даже желудок взбунтовался.

У полиции не было подозреваемого. Для них это стало отдельным событием, а не часть общей картины. Единственное свидетельство, которое они имели, – это что от поля, где пасся жеребец, удалялся голубой «лендровер», а «лендроверов» в сельской местности тринадцать на дюжину. Дело не закрыли, но и не вели активного расследования. Жеребец и его копыто давно отправились на фабрику по производству клея.

– У вас есть какие-нибудь фотографии? – спросил я.

Сержант ответил, что фотографии – дело полиции, а не общественности.

– Я знаю, кто вы, – добавил он, – но для нас вы – общественность. Извините.

Хозяйка жеребца сказала, что была слишком потрясена, чтобы заботиться о фотографиях.

Я поехал дальше, на север Ланкашира, и попал в бурю эмоций. Рослый, шумный и взбешенный фермер – из тех, кто всегда знает все лучше других, – дал волю своему праведному гневу, кричал мне в лицо, брызгал слюной и тыкал в воздух пальцем, выпятив челюсть в классическом животном выражении агрессии.

– Лучший жеребец, какой только у меня был, – бушевал он. – Он стоил мне кучи денег, но был хорош. Порода, стать и все такое. И быстрый, скажу я вам. Он должен был скакать в Ньюмаркете на следующей неделе.

Он упомянул известного тренера, который, как я знал, не работал с пустышками.

– Прекрасный жеребец, – продолжал фермер. – И потом эти полицейские спрашивают, не убил ли я его, чтобы получить страховку! Я вас спрашиваю, что это такое! Он не был застрахован. Я им так и сказал. Они сказали, что я не могу подтвердить, что он не был застрахован. Вы понимаете? Вы знаете, что можно подтвердить, застраховано ли что-то, но нельзя подтвердить, что вы ничего не застраховали? Вы это знаете?

Я сказал, что слышал об этом.

– Я их послал! Они не искали того, кто отрубил моему коню ногу, они только проверяли, не я ли это сам сделал. Они так меня обозлили...

Ему не хватило слов, и он умолк. Я встречал людей, которых несправедливо обвиняли в поджогах, избиении детей, воровстве и взяточничестве, и поэтому я знал этот тон оскорбленной невинности. Я готов был поспорить, что разозленный фермер не рубил ногу своему жеребцу, и так ему об этом и сказал. Он сильно удивился:

– Вы мне верите?

– Конечно, – кивнул я. – Все дело вот в чем: кто знал о том, что вы купили прекрасного быстрого жеребца и держите его на своей ферме в поле?

– Кто знал? – Он выглядел виноватым, как человек, столкнувшийся с неприятным фактом. – Я трепал языком направо и налево. Да половина графства знала. И еще я хвастался им в Эйнтри, накануне Большого национального. Я был одним из спонсоров этого ланча – ну, «Топлайн фудс», – и с жеребцом было все в порядке. Утром я его проведаль. А на следующую ночь, после Национального, это и случилось.

Он сам сделал цветные фотографии, не доверяя полиции, и с готовностью показал их мне.

– Передняя бабка, – сказал он, тыкая пальцем в сделанный крупным планом снимок отрубленной ноги. – Отсечена точно под щеткой. Почти в суставе. Вон, видите – белые концы костей.

Фотографии дрожали в руках. Не помогло и то, что я видел собственную левую кисть почти в таком же состоянии.

– А что думает ваш ветеринар? – спросил я.

– То же, что и я.

Я отправился к ветеринару.

– Одним ударом, – сказал он. – Только одним. Никаких пробных ударов. Точно в самом уязвимом месте конской ноги.

– Каким орудием?

Он не знал.

Я поехал в Йоркшир, где месяцем раньше, во время Йоркских весенних скачек, в лунную ночь лишился передней бабки каштановый жеребец-двухлеток. Один удар. Страховки нет. Потрясенные владельцы. И никаких зацепок.

На этот раз владельцами оказались сдержанные супруги со старомодными манерами и непоколебимым достоинством. Они были крайне возмущены и потрясены, столкнувшись с таким открытым злом, которое могло без причин уничтожить прекрасное создание – в данном случае превосходного, быстрого, благородного коня.

– Зачем? – спрашивали они меня. – Зачем кому-то совершать этот бесцельный и безнравственный поступок?

Я не мог ответить. Я только побудил их поговорить, излить страдание и сожаление о потере. Они говорили, а я слушал.

– У нас была такая хорошая неделя, – сказала жена. – Каждый год во время Йоркских весенних скачек у нас останавливаются гости... потому что, вы сами видите, у нас большой дом... человек шесть-семь, мы приглашаем прислугу и устраиваем вечеринку, а в этом году была прекрасная погода, и мы хорошо провели время.

– Удачно, – добавил ее муж.

– У нас в гостях был Эллис Квинт, – улыбнулась хозяйка. – И он так всех веселил – в своем легком стиле, – мы как будто всю неделю только и делали, что смеялись. Он снимался для телепрограммы на Йоркских скачках, так что нас всех пригласили посмотреть на съемки, и это было очень приятно. А потом... потом... в ту самую ночь, когда гости уехали... ну...

– Пришел Дженкинс – это наш грум – и сказал, когда мы сидели за завтраком, что наш жеребец... наш...

– У нас три чистокровные кобылы, – сказала его жена. – Мы любим, когда жеребята вольно резвятся на пастбище... обычно мы продаем годовалых жеребят, но этот был таким красивым, что мы оставили его... Все наши гости им восхищались.

– Дженкинс превосходно объездил его.

– Дженкинс *плакал*, – добавила жена. – Дженкинс! Непробиваемый старик. Он *плакал*.

– Дженкинс нашел его ногу у ворот, рядом с поилкой, – с трудом выговорил муж.

– Дженкинс сказал, что Эллис несколько месяцев назад сделал программу о пони с отрезанной ногой и бедных детей. Так что мы написали Эллису о нашем жеребце, и Эллис сразу позвонил. Он был крайне любезен. Милый Эллис! Но он ничего не мог сделать, конечно же, только посочувствовать.

– Да, – согласился я и ощутил слабый всплеск удивления, что Эллис словом не обмолвился о йоркском жеребце, когда я говорил с ним меньше недели назад о Рэчел Фернс.

Глава 3

Вернувшись в Лондон, я встретился с Кевином Миллсом, репортером из «Памп», за ланчем в том же самом пабе, что и в прошлый раз.

– Пора нам обоим выпить, – сказал я.

Он потягивал свой двойной джин.

– Что ты обнаружил?

Я рассказал ему в общих чертах о других случаях, помимо тех, с четырьмя двухлетками в лунные ночи, о которых он рассказал мне. Один удар – чем-то вроде мачете. Везде отрубленная нога. Почти всегда рядом с поилкой. И всегда сразу после местных главных скачек – Золотого кубка в Челтенхеме, Большого национального в Ливерпуле, Весенних скачек в Йорке.

– А в эту субботу, через два дня, – ровно сказал я, – у нас дерби.

Он медленно поставил свой стакан и после минутного молчания спросил:

– А что насчет пони?

Я пожал плечами:

– Это первый случай, о котором мы узнали.

– Но он не укладывается в общую картину. Этот пони ведь не был двухлетним жеребцом? И никаких скачек там не было, ведь так?

– Отрезанная нога лежала возле поилки. Передняя нога. Луна была в нужной фазе. Одним ударом. Страховки не было.

Он вздохнул и задумался.

– Вот что я тебе скажу, – вдруг начал он. – Об этом стоит предупредить. Я не спортивный репортер, как тебе известно, но я помещу в газете объявление. «Не оставляйте своих двухлетних жеребцов без охраны в поле во время и после скачек в Эпсоме». Не думаю, что могу сделать больше.

– Хоть это.

– Да. Если все владельцы двухлеток читают «Памп».

– Пойдут разговоры на ипподроме. Я об этом позабочусь.

– В день дерби? – скептически прищурился он. – Ну, это все же лучше, чем ничего. А что нам на самом деле нужно, так это поймать мерзавцев.

Мы мрачно обдумывали эту возможность. Каждый год на Британских островах рождается примерно пятнадцать тысяч чистокровных жеребят. Половина из них – жеребцы. Многие из них в два года начинают тренировать для скачек и держат в безопасности в стойлах, но всех прочих оставляют без присмотра на пастбищах. А еще в июне годовалых жеребят, которые быстро растут, можно ночью по ошибке принять за двухлеток. И ни один не будет в безопасности от этих ублюдков.

Кевин Миллс ушел писать свою колонку, а я поехал в Кент.

– Вы нашли их? – требовательно спросила Линда.

– Пока нет.

Мы снова сидели у окна в гостиной, глядя, как Рэчел возит Пеготти в коляске по лужайке, и я сказал Линде о трех жеребцах и их потрясенных хозяевах.

– Еще три, – ошеломленно повторила она. – В марте, апреле и мае? А в феврале – Силвербой?

– Верно.

– А сейчас? В этом месяце? В июне?

Я рассказал о предупреждении, которое будет напечатано в «Памп».

– Я не стану говорить Рэчел об этих трех, – решила Линда. – Она и без того просыпается среди ночи с криком.

– Я навел справки о прочих покалеченных лошадях по всей Англии, – сказал я. – Но все они были ранены по-другому. Я думаю... ну... что в этом замешаны совершенно разные люди. И я не уверен, что мерзавцы, которые ослепляли и калечили пони в округе, имеют какое-то отношение к Силвербою.

– Но они должны иметь отношение! – возразила Линда. – Не может же быть *две* банды вандалов!

– Почему бы нет?

Линда посмотрела на Рэчел и Пеготти, и слезы привычно навернулись ей на глаза. Рэчел шекотала брата, чтобы тот засмеялся.

– Я должна была сделать все, чтобы спасти свою дочь, – пробормотала Линда. – Врач сказал, что, если бы у нее было несколько сестер, у одной из них мог бы оказаться нужный тип тканей. Джо – отец Рэчел – родом из Азии. Так что найти донора со стороны очень сложно. И я родила еще одного ребенка. Я родила Пеготти пять месяцев назад. – Она вытерла слезы. – У Джо другая жена, он не хотел спать со мной, даже ради Рэчел. Мне сделали искусственное осеменение, сработало сразу. Это показалось мне знамением... и я родила ребенка... а его ткани не подходят Рэчел... был только один шанс из четырех, что у него будет тот же тип тканей и антигенов... Я надеялась и молилась... но не вышло. – Она сглотнула, ей перехватило горло. – И вот у меня есть Пеготти... на самом деле он Питер, но мы зовем его Пеготти... а Джо не привязан к нему... и мы по-прежнему не можем найти никого, кто подходил бы Рэчел, и у меня уже нет времени попробовать еще с одним ребенком... да и все равно Джо не хочет. Его жена против... он и в первый раз не хотел.

– Мне очень жаль, – сказал я.

– Жена Джо все ворчит, что Джо должен платить алименты на Пеготти... а теперь и она сама беременна.

«Жизнь, – подумал я, – источник нескончаемых и изощренных жестокостей».

– Джо об этом не думает, – сказала Линда. – Он любит Рэчел, и он купил ей пони и содержит нас, но его жена говорит, что я могу родить хоть шесть детей, а результата не будет... – Ее голос задрожал и прервался. Помолчав, она добавила: – Не знаю, почему я взваливаю это все на вас. С вами так легко говорить.

– Мне интересно.

Она кивнула, всхлипнула и вытерла нос.

– Пойдите поговорите с Рэчел. Я сказала ей, что вы вернетесь сегодня. Вы ей нравитесь.

Я послушно вышел в садик и серьезно поздоровался за руку с Рэчел, после чего мы сели на скамью рядышком, как старые друзья.

Хотя было еще тепло, дни в начале июня были сумрачными и влажными – хорошо для роз, но плохо для дерби.

Я извинился за то, что пока не нашел того, кто напал на Силвербою.

– Но вы его найдете, правда?

– Надеюсь, – сказал я.

Она кивнула:

– Я сказала вчера папе, что уверена в этом.

– Это правда?

– Да. Он катал меня на своей машине. Он меня катает иногда, когда Диди ездит в Лондон за покупками.

– Диди – это его жена?

Рэчел сморщила нос, но не высказалась.

– Папа говорит, что кто-то отрубил вам руку, совсем как Силвербою.

Она серьезно смотрела на меня, ожидая подтверждения.

– Ну, не совсем так, как Силвербою, – растерянно сказал я.

– Папа говорит, что человека, который это сделал, посадили в тюрьму, но он снова вышел под честное слово.

– А ты знаешь, что означает «под честное слово»? – с любопытством спросил я.

– Да. Папа мне объяснил.

– Твой папа много знает.

– Да, но это правда, что кто-то отрубил вам руку?

– Для тебя это так важно?

– Важно, – сказала она. – Я думала об этом вчера в постели. Мне снятся страшные сны. Я стараюсь не заснуть, потому что не хочу спать и видеть во сне, как вам отрубают руку.

Она старалась быть взрослой и спокойной. Но я чувствовал: истерика слишком близко, так что, задушив собственное постоянное нежелание говорить об этом, я вкратце рассказал, что со мной случилось.

– Я был жокеем, – начал я.

– Да, я знаю. Папа сказал, что вы много лет были чемпионом.

– Так вот, однажды моя лошадь упала, и, пока я лежал на земле, другая лошадь приземлилась после прыжка прямо мне на руку и... э... рассекла ее. Кисть срослась, но я не мог как следует пользоваться этой рукой. Мне пришлось уйти из жокеев, и я начал заниматься тем, чем занимаюсь и сейчас, – расследовать разные дела, как сейчас я ищу, кто напал на Силвербоя.

Рэчел кивнула.

– Однажды я обнаружил нечто, а один отвратительный человек не хотел, чтобы я это узнал, и он... мм... он ударил меня по раненой руке и опять сломал ее. На этот раз врачи не смогли ее вылечить, они решили, что мне будет лучше с пластиковой рукой, чем с бездействующей.

– Так на самом деле он... *на самом деле* он ее не отрубил. Не как топором или еще чем?

– Нет. Так что не мучай себя мыслями об этом.

Она улыбнулась с явным облегчением и, поскольку сидела слева от меня, положила свою правую руку на мой протез – деликатно, но без колебаний. Она потрогала прочный пластик, бесчувственную кожу и с удивлением посмотрела мне в глаза.

– Она не теплая, – сказала она.

– Но и не холодная.

Рэчел весело засмеялась.

– А как она работает?

– Я говорю ей, что делать, – просто ответил я. – Я посылаю команду из мозга через руку и говорю: отогнуть большой палец, или прижать его, или схватить что-нибудь. Приказ добегают до очень чувствительных приборов, которые называются электроды, – они спрятаны под пластик и касаются моей кожи. – Я сделал паузу, но Рэчел ничего не спросила, и я продолжал: – Моя настоящая рука кончается вот здесь. – Я показал. – А пластиковая доходит до самого локтя. Электроды спрятаны внутри, вот здесь, и прилегают к коже. Они чувствуют, когда мышцы начинают напрягаться. Вот так они и работают.

– А эта пластиковая рука – она привязана или как?

– Нет. Она просто хорошо подогнана и туго сидит сама по себе. Ее делали специально для меня.

Как все дети, Рэчел принимала чудеса как данность, а для меня техника, приводимая в движение сигналами нервов, оставалась чем-то необычным, хотя я носил пластиковую руку уже три года.

– Тут три электрода, – продолжал я. – Один – чтобы открывать ладонь, другой – чтобы закрывать, и еще один – чтобы поворачивать кисть.

– А электроды работают от электричества? – спросила она. – Ну, вы же подключаетесь к розетке в стене и все такое?

– Ты сообразительная девочка, – сказал я ей. – Они работают от специальной батарейки, которую вставляют снаружи на том месте, где я ношу часы. Я заряжаю батарейки в зарядном устройстве, которое включается в розетку.

Она оценивающе посмотрела на меня:

– Должно быть, иметь такую руку очень полезно.

– Просто превосходно, – согласился я.

– Папе Эллис Квинт говорил, что и не скажешь, будто у вас пластиковая рука, пока не прикоснешься к ней.

– Твой отец знает Эллиса Квинта? – изумленно спросил я.

Она спокойно кивнула:

– Они вместе ездят играть в сквош. Он помог папе купить Силвербоя. И он был так огорчен, когда узнал, что это случилось именно с Силвербоем, и поэтому сделал свою программу о нем.

– Да, он это может.

– Я хотела бы... – начала Рэчел, взглянув на мою руку, – чтобы Силвербоем можно было сделать новую ногу... с электродами и батареейкой.

– Может быть, искусственная нога ему бы и подошла, но он не смог бы ни идти рысью или галопом, ни прыгать. Он не был бы счастлив, если бы мог только ковылять понемногу.

Она провела своими пальчиками по моим пластиковым – ее это не убедило.

– Где вы держали Силвербоя? – спросил я.

– За тем забором, в конце сада, – указала она. – Отсюда не видно из-за деревьев. Нам придется пройти через дом, выйти и пройти по дорожке.

– Ты мне покажешь?

Она на мгновение отпрянула, потом сказала:

– Я вас проведу, если всю дорогу буду держаться за вашу руку.

– Конечно. – Я встал и подал ей настоящую, теплую, обычную руку.

– Нет... – Она покачала головой, вставая. – Я хотела сказать: можно мне держаться за эту руку, которой вы ничего не чувствуете?

Мне показалось, что для нее это важно – сознавать, что у меня чего-то не хватает, что я могу понять больную, у которой нет волос.

– Ты можешь держаться за ту руку, которая тебе нравится, – легко сказал я.

Она кивнула и повезла Пеготти в дом. Рэчел сказала Линде, что поведет меня на поле показать, где жил Силвербой. Линда испуганно посмотрела на меня, но разрешила пойти, и странная пара – безволосая девочка и однорукий мужчина – прошла по короткой дорожке до закрытых ворот.

Поле было чуть побольше акра, трава на нем стояла густая, зеленая, нетронутая. Поблизости проходила труба, от которой шло ответвление к простой оцинкованной поилке. Возле поилки трава росла гуще, как это всегда бывает.

– Я не хочу туда входить, – сказала Рэчел, отвернувшись.

– Нам это и не нужно.

– Его нога лежала возле поилки, – отрывисто произнесла она. – Я хотела сказать... было видно кровь... и белые кости.

– Не говори об этом.

Я обнял ее и повел назад по дорожке, желая, чтобы мне никогда не пришлось в голову попросить ее показать это.

Она вцепилась в протез обеими ручками, и я замедлил шаг.

– Все в порядке, – сказала она. – Это было уже давно. А теперь все в порядке, когда я не сплю.

– Это хорошо.

– Я не боюсь засыпать!

Это был крик души, мольба, которую надо было обратить к кому-нибудь.

Я остановился, не доходя до двери в дом.

– Я обычно никому этого не рассказываю, но тебе скажу. Я до сих пор вижу плохие сны о своей руке. Мне снится, что я могу хлопнуть. Мне снится, что я по-прежнему жокей. Мне снится, что у меня кисть разбита. С дурными снами ничего поделать нельзя. Они внушают страх, когда приснятся. Я не знаю, как их прекратить. Но ведь можно проснуться.

– А тогда у тебя лейкоз... или пластиковая рука.

– Жизнь – сволочная штука, – сказал я.

Она прикрыла рот рукой и захихикала:

– Мама не разрешает мне так говорить.

– Говори это в подушку.

– А вы так делаете?

– Довольно часто.

Мы вошли в дом, и Рэчел снова вывезла Пеготти в садик. Мы с Линдой стояли в гостиной и смотрели на них в окно.

– С ней все в порядке? – тревожно спросила Линда.

– Она очень храбрая девочка.

Линда заплакала.

– Вы слышали что-нибудь в ту ночь, когда напали на Силвербоя? – спросил я.

– Все об этом спрашивают. Я ничего не слышала.

– Шума машины не было?

– Полицейские сказали, что они должны были оставить машину на дороге и идти по тропинке пешком. Ни окно моей спальни, ни окно комнаты Рэчел туда не выходят. Но эта дорожка ведет только до поля. Вы же видели – на самом деле это всего лишь тропинка, она кончается у ворот.

– Мог ли кто-нибудь увидеть Силвербоя с дороги?

– Да, полицейские и об этом спрашивали. Можно было увидеть, как он подходит попить. С дороги видно поилку, если знать, откуда смотреть. Полицейские говорят, что эти подонки должны были высматривать по всей этой части Кента оставленных без присмотра пони, таких как Силвербой. Что бы вы ни говорили о двухлетках, Силвербоя, должно быть, покалечили эти подонки. Почему бы вам не спросить полицейских?

– Если вы всем сердцем верите полиции, вам незачем было просить меня о помощи.

– Только что позвонил Джо, – призналась она. – Он сказал, что звать вас на помощь – это пустая трата денег.

– А!

– Я не знаю, что и думать.

– Вы платите мне за день работы плюс расходы. Я могу оставить это дело прямо сейчас, если хотите.

– Нет. Да. Я не знаю. – Она вытерла глаза и нерешительно сказала: – Рэчел снится, что Силвербой стоит в поле, в луче лунного света. «Он сияет», – говорит она. А по дорожке наползает темная волна текучих чудовищ... «Текучих» – так она говорит... Они бесформенные и злобные и собираются убить Силвербоя. Она говорит, что старается обогнать их, чтобы предупредить его, но не может пробиться, они цепляются за нее, как паутина. Она не может освободиться. А они добираются до Силвербоя и высасывают его свет, и у него вылезают волосы, а она просыпается и кричит. Всегда один и тот же кошмар. Я подумала, что, если бы вы смогли найти, кто отрубил бедняге ногу, у чудовищ появились бы имена и лица, об этом напечатали бы в газете, и Рэчел знала бы, кто это был, и перестала думать о них как о текучем скопище без глаз, которое не дает ей пройти.

Помолчав, я сказал:

– Дайте мне еще неделю.

Она резко отвернулась от меня и, наклонившись над столом, выписала мне чек:

– Две недели: одна прошла, и еще одна.

Я взглянул на сумму:

– Здесь больше, чем мы договаривались.

– Что бы там ни говорил Джо, я хочу, чтобы вы попробовали.

Я осторожно поцеловал ее в щеку. Она улыбнулась, хотя глаза оставались сумрачными и влажными.

– Ради Рэчел я заплачу сколько угодно, – сказала она.

Я не спеша вернулся в Лондон, думая по дороге о старом циничном бывшем полицейском, который преподавал мне основы розыска.

– В этом деле есть два главных правила, – говорил он. – Первое. Никогда не верь ничему, что говорит тебе клиент, и всегда будь уверен, что он может сказать больше. Если задавать правильные вопросы. И второе. Никогда, никогда не заводи с клиентом «эмоциональных» отношений.

Это, конечно, хорошие правила, но не в том случае, когда твой клиент – умная и искренняя девочка девяти лет, ведущая безнадежное сражение с повышающимся уровнем лимфобластов.

По дороге домой я купил карри и съел его, прежде чем сесть за обычную вечернюю работу с бумагами.

Я предпочитаю ту часть работы, которая требует действия, но клиенты хотят все точно знать – и заслуживают этого, и платят по подробным счетам с описанием того, что я для них сделал, предпочитая те результаты, которые им нравятся. Закончив печатать отчет, я выставил итоговый счет, добавив подробный список дополнительных расходов с квитанциями. Я почти всегда играл честно, даже если клиент мне не нравился, – детективов обычно обвиняют в том, что они растягивают на семь дней ту работу, которую при минимальном старании могут сделать за три. Мне такая репутация была не нужна. В моем новом занятии, как и в старом, к успеху приводила скорость.

Помимо кухни и ванной, моя славная квартира (прямо скажем, довольно дорогая) состояла из трех комнат: спальни, большой светлой гостиной и небольшой комнаты, которую я использовал как офис. У меня не было ни секретаря, ни помощника, никто не был посвящен в расследуемые мной тайны, кроме меня и клиента, и, что бы клиент с этой информацией ни делал, то, за что он платил, было его личным делом. Конфиденциальность – вот что заставляло множество людей консультироваться у меня, и они эту конфиденциальность получали.

Я прослушал несколько незначительных посланий, записанных на автоответчике, завел отчет в компьютер, отпечатал его и положил отдельно, чтобы отправить по почте. Для составления отчетов и всяких личных дел я пользовался компьютером, который не был подключен к сети. Никто не мог в него залезть, а для защиты от воров я пользовался паролями. В мой второй компьютер теоретически можно было залезть – он был подключен через модем к глобальной сети. Любой проныра мог свободно пошарить там.

Насчет соблюдения секретности мой циничный наставник сказал так:

– Пусть никогда твоя правая рука не знает, что делает левая. Э... – Он закашлялся и добавил: – Извини, Сид.

– Это обойдется вам в пинту пива.

– А еще, – продолжал он позже за кружкой, – храни запасные копии законченных расследований в банковском сейфе, а из всех компьютеров в офисе стирай. Если ты пользуешься

случайными паролями и меняешь их каждую неделю, этого хватает, пока ты ведешь дело, но, как только ты закончил, прячь копии в банк и уничтожай в офисе, как я уже говорил.

– Хорошо.

– Никогда не забывай, – сказал он мне, – что люди, против которых ты ведешь расследование, могут прибегнуть к насилию, чтобы остановить тебя.

И в этом он был прав.

– Никогда не забывай, что у тебя нет такой защиты, как у полицейского. Ты должен сам позаботиться о себе. Ты должен быть осторожен.

– Может, мне следует поискать другую работу.

– Нет, Сид, – горячо возразил он. – У тебя же дар. Слушай, что я говорю, и все будет в порядке.

Он учил меня в течение двух лет, которые я провел в одном детективном агентстве после того, как закончилась моя жокейская карьера, и теперь, три года спустя, я был жив в основном благодаря его советам. Но теперь он был мертв, и мне приходилось полагаться только на себя, что не всегда давало результат.

Я мог попробовать утешить Рэчел, сказав ей, что я тоже вижу плохие сны, но я не мог сказать ей, насколько эти сны яркие. После того как я снял свою руку, принял душ и мирно улегся в постель, я заснул с мыслью об этом и оказался в знакомой темнице.

Там все было как всегда.

Мне снилось, что я нахожусь в большом темном пространстве и какие-то люди собираются отрезать мне обе руки.

Обе.

Они оставили меня ждать, но они придут. Впереди – агония, унижение, беспомощность и никакого выхода.

Я проснулся весь мокрый, с сильно бьющимся сердцем и понял с огромным облегчением, что ничего этого нет, я лежу в собственной постели, – и тут вспомнил, что на самом деле этот сон уже наполовину исполнился. Как только я проснулся настолько, чтобы осознать свое нынешнее не такое уж плохое состояние дел, я соскользнул обратно в дремоту, и всю ночь этот кошмар повторялся снова и снова.

Я заставил себя проснуться, сесть, выбраться из постели и прийти в себя. Я встал под душ и включил холодную воду. Затем надел махровый халат, выпил стакан молока и сел в кресло в гостиной, включив свет.

Я посмотрел на пустое место, где некогда была моя левая рука, потом на сильную здоровую правую, в которой держал стакан, и понял, что очень часто, не только во сне, но и наяву, я чувствую страх, который не могу подавить, приступы дикого, цепящего страха, что однажды действительно лишусь обеих рук. Все дело было в том, чтобы не выказывать этого страха, не позволять ему победить и управлять моей жизнью.

Было бесполезно рассуждать о том, что я сам навлек на себя этот страх. Я решил стать жокеем. Я решил идти дальше, несмотря на угрозы. А сейчас я активно разыскивал человека, который знал, как отрубить лошади ногу одним ударом.

Отрубленная нога лошади... рука, в которой я держу стакан молока...

Все это могло лишить меня рассудка.

Но на этот случай существовали люди, подобные Рэчел Фернс.

Так или иначе, а я пережил много страданий и большинство из них мог бы позабыть, если бы не мое упрямство. И поэтому я знал: что бы ни ждало впереди, я смогу с этим справиться. Но у этой девочки выпали волосы, потом она нашла отрубленную ногу своего любимого пони – и ни в том ни в другом не было ее вины. Ни один девятилетний ребенок не сможет сладко спать после такого.

Господи, Рэчел, я смотрел бы твои кошмары вместо тебя, если бы мог.

Утром я составил аналитическую таблицу и занес в нее все о пони Фернсов и трех двухлетках. Получилось пять колонок: «Обстоятельства», «Фернс», «Челтенхем», «Эйнтри» и «Йорк». В левой колонке, «Обстоятельства», я написал: «дата», «имя владельца», «программа скачек», «мотив» и, наконец, «кто знал о доступности жертвы». Я обнаружил, что, хотя и могу думать об ответе на последний вопрос, у меня нет желания записывать варианты, и после некоторого колебания я позвонил Кевину Миллсу в «Памп» и благодаря своей настойчивости добрался до него.

– Сид, – приветливо сказал он, – предостережение будет в газете завтра. Ты сделал все, что мог. Хватит агитировать.

– Отлично, – сказал я. – Но ты можешь сделать еще кое-что? То, что будет выглядеть совершенно невинно для «Памп», но вызовет бурю.

– Какого рода?

– Ну, спросить у «Топлайн фудс» список гостей, которых они приглашали на спонсорский ланч в Эйнтри за день до Большого национального.

– За каким чертом?

– Ты сделаешь это?

– Да зачем это тебе?

– Сенсация по-прежнему твоя. Эксклюзив.

– Не знаю, почему я тебе верю.

– Это окупится сполна, – улыбаясь, ответил я.

– Хорошо бы. – Он с треском бросил трубку, но я знал, что он выполнит мою просьбу.

Было утро пятницы. Сегодня в Эпсоме будут разыгрывать Королевский кубок и «Оукс», эквивалент дерби для кобыл. Шел мелкий дождь, над Южной Англией зависла облачность.

Меня по-прежнему тянуло к ипподромам, но прежде, чем выехать из дому, я позвонил женщине, жеребцу которой отсекли ногу в ночь после Челтенхемского золотого кубка.

– Извините, что снова беспокою вас, но не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

– Ничего, особенно если вы сможете поймать этих ублюдков.

– Ну... ваш двухлеток был в поле один?

– Да. Там только загон. Огороженный, конечно. Мы держали его в загоне поближе к дому, вот что больше всего бесит. У нас есть еще две старые полукровки на дальнем поле, но эти варвары к ним не прикоснулись.

– А сколько человек знало, что к вашему жеребцу можно подойти? – спросил я нейтральным тоном. – И насколько это было просто сделать?

– Сид, – воскликнула она, – не думайте, что мы не ломали над этим голову! Проблема в том, что все наши друзья знали о нем. Мы восхищались его перспективами. А тогда, в Челтенхеме, мы говорили насчет тренера. Старый Ганнерс, у которого мы тренировали жеребца раньше, умер, а нам не нравился этот его наглый помощник, которому досталась конюшня, так что мы спрашивали у всех вокруг.

– Ясно. И вы нашли тренера?

– Нашли, но, конечно...

– Такая досада, – посочувствовал я. – С кем вы договорились?

Она назвала мне имя первоклассного специалиста.

– Несколько человек сказали, что с ним у нас не будет проблем.

– Верно. – Я мысленно вздохнул и спросил больше по обязанности: – Чем вам больше всего понравился праздник?

– Приехала королева, – сразу отозвалась она. – На мне были толстые теплые ботинки, и я чуть не упала из-за них, когда кланялась. – Она рассмеялась. – А, вот еще что! Я думаю, вы знаете, что там, в Зале славы, есть ваши фотографии?

– Это большая честь, – сказал я. – Мне вручили золотой кубок с выгравированной надписью, который я как раз вижу с того места, где сижу.

– Ну вот, мы стояли перед этой выставкой о вашей жизни, читали надписи, и сам Эллис Квинт подошел к нам, положил руку мне на плечо и сказал, что наш Сид замечательный парень во всем.

«Вот дерьмо», – подумал я.

– Конечно же. Мы много лет знакомы с Эллисом. – На том конце провода она тепло улыбалась. – Он ездил на наших лошадях в любительских скачках. Так что мы пригласили его к нам выпить после Золотого кубка. Такой был приятный день. – Она вздохнула. – А потом эти ублюдки... вы поймаете их, правда, Сид?

– Если смогу, – сказал я.

Оставив множество незаполненных клеток в своей таблице, я поехал в Эпсом в сумрачном расположении духа, соответствующем погоде. Ворота были закрыты. Зонтики свернуты. Яркие цвета июня поблекли под дождем, и счастливой выглядела одна герань.

Я уныло прошел к линии старта, где уже толпились двухлетки, ожидая сигнала к скачке на короткую дистанцию, и стал задумчиво обозревать передние ноги лошадей. Тонкие мускулистые ноги несли тысячефунтовые тела со скоростью почти сорок миль в час. Я скакал по большей части на жеребцах постарше, взрослых лошадях для стипль-чеза, почти в полтонны весом, несколько менее резвых, способных преодолеть четыре мили от старта до финиша, сделав по пути тридцать прыжков, но ноги у них были едва ли толще, чем запястье крупного мужчины.

С анатомической точки зрения передняя нога лошади состоит – начиная от плеча и вниз – из предплечья, колена, берцовой кости, щетки (она же лодыжка), бабки и копыта. На фотографии разъяренный ланкаширский фермер показывал, что ампутация была произведена точно в самой узкой части ноги, у основания лодыжки, где она переходит в бабку. В результате вся бабка вместе с копытом были отрезаны.

Лошади очень остро чувствуют опасность, и их легко испугать. Молодые лошади редко стоят спокойно. И каждый раз все дело ограничивалось одним ударом. Почему все эти бедолаги стояли спокойно, когда это было уже сделано? Ни один из них не заржал достаточно громко, чтобы услышал хозяин.

Я прошел к трибунам и посмотрел, как двухлетки несутся к вершине холма, потом летят вниз, как стая скворцов вокруг Тоттенхэм-Корнер, и разделяются на победителей и проигравших на прямой с ее обманчивой трудной кривизной, которая может отклонить лошадь к ограждению, если у нее неопытный наездник.

Я смотрел и вздыхал. Прошло уже целых пять лет с тех пор, как я последний раз участвовал в скачках. Пройдет ли когда-нибудь это сожаление?

– Что такой печальный, Сид? – спросил пожилой тренер, беря меня под локоть. – Лучше пойдем выпьем!

Он увлек меня к ближайшему бару, и я пошел за ним без возражений, как всегда в подобных ситуациях. Он творил чудеса с лошадьми и здорово распорядился своими деньгами.

– Я слышал, ты чертовски дорого стоишь, – необходимо начал он, вручая мне стакан. – Что возьмешь с меня за день работы?

Я сообщил ему.

– Многовато. Сделай бесплатно, по старой дружбе.

Я улыбнулся:

– Сколько лошадей ты тренируешь бесплатно?

– Это совсем другое.

– А сколько раз ты просил меня скакать забесплатно?

– Ну тогда ладно. Я заплачу эти проклятые деньги. На самом деле я думаю, что меня обманывают, и хочу, чтобы ты это выяснил.

Оказывается, он получил блистательную рекомендацию от прежнего нанимателя одного шофера (слуги) посыльного, который обратился к нему по объявлению. Тренер хотел знать, стоит ли ему приглашать этого человека для беседы.

– Он служил у женщины, – сказал он. – Я позвонил ей, когда получил от него письмо, чтобы проверить сведения. Она не могла бы дать более лестный отзыв об этом человеке, даже если бы постаралась, но... не знаю... Отзыв был слишком лестный, если ты понимаешь, о чем я говорю.

– Ты имеешь в виду, что она была бы рада избавиться от него?

– Ты не ходишь вокруг да около, Сид. Это именно то, что я имел в виду.

Он дал мне рекомендательное письмо с блестящей характеристикой.

– Без проблем, – сказал я, читая его. – День работы плюс транспортные расходы. Я позвоню тебе, а потом вышлю письменный отчет.

– Ты по-прежнему выглядишь как жокей, – позавидовал он. – Смотришься просто чертовски дорого.

Я улыбнулся, положил письмо в карман, допил скотч и похвалил победителей, которых он тренировал, подбодрив его перед тем, как лишиться наличных.

Я прослонялся на ипподроме остаток дня с удовольствием, но без пользы и благодаря этому спал без кошмаров. А наутро, когда наступил сухой и солнечный день дерби, обнаружил, что мой приятель из «Памп» сделал свое дело.

«Запирайте своих жеребцов, – писал он в статье. – Вы слышали о фетишистах, которые любят копыта? Один такой существует».

В нескольких абзацах он описывал сходство в «деле о четырех ногах» и указывал, что в эту самую ночь после дерби лунного света будет достаточно и в три часа ночи фонарик не понадобится. Все двухлетние жеребцы должны, как Золушка, быть дома после полуночи и к тому же заперты в безопасных стойлах. «И если вы увидите, как кто-то крадется через поля, вооруженный мачете, – предупреждал он, – звоните бывшему жокею, а ныне сыщику Сиду Холли, который предоставил нам эту информацию и с которым вы можете связаться через „горячую линию“ нашей газеты. Звоните в „Памп“! Спасите лошадей! Холли, на выручку!»

Я не мог себе представить, как он протащил эти последние фразы – включая номер телефона – мимо всех редакторов, но мне не нужно было беспокоиться о распространении сообщения на ипподроме. Всю вторую половину дня со мной никто не говорил ни о чем другом.

Я сам позвонил в «Памп» и дозвонился до человека, который сказал мне, что Кевин Миллс уехал на железнодорожную катастрофу, к сожалению.

– Черт возьми, – сказал я. – Так как же вы переадресуете мне эти звонки насчет лошадей? Я этим не занимался. Как это будет делаться?

– Подождите минутку.

Я подождал. Ответил мне уже другой голос:

– Поскольку Кевина нет, мы переадресовали все звонки для Холли на этот номер. – И он назвал номер моего телефона на Пойнт-сквер.

– Где этот чертов Миллс? Я сверну ему шею.

– Уехал на крушение поезда. Перед отъездом оставил нам этот номер, чтобы связаться с вами. Он сказал, что вы можете захотеть узнать обо всех жеребцах.

Это была правда – но со звонками вышла полная ерунда, я смог бы устроить это лучше, если бы он меня предупредил.

За дерби я наблюдал невнимательно. Победил аутсайдер.

Эллис поддразнивал меня из-за этой статьи в «Памп».

– Звоните Холли по «горячей линии», – смеясь, сказал он и хлопнул меня по плечу, сметая вспышки сомнений, которые у меня были. – Это невероятное совпадение, Сид, но я

действительно видел одного из этих жеребцов. Живым, конечно же. Я был у одних приятелей в Йорке, а после того, как мы разъехались по домам, кто-то покалечил их жеребца. Они веселые люди и не заслужили этого.

– Никто не заслужил.

– Это верно.

– Самое загадочное – это мотив, – сказал я. – Я виделся со всеми владельцами. Ни один жеребец не был застрахован. Пони Рэчел Фернс тоже не был застрахован, конечно же.

Он с интересом спросил:

– Ты думаешь, это связано со страховкой?

– Это напрашивается само собой, верно? Теоретически возможно застраховать лошадь и забрать барыш так, чтобы хозяин ничего не узнал. Такое бывало. Но если все дело в этом, то, возможно, кто-нибудь в какой-нибудь страховой компании прочтет статью в «Памп» и свяжет концы. Об этом надо подумать. Я могу разослать копии совету директоров каждой подходящей страховой компании, спросить их и предупредить.

– Хорошая идея, – одобрил Эллис. – Неужели страхование и тому подобные вещи заменили тебе скачки? Мне кажется, что для тебя это слишком серая жизнь после того, к чему мы привыкли.

– А телевидение заменило тебе скачки?

– И не надейся. – Он рассмеялся. – Опасность затягивает, не так ли? Единственная опасная работа на телевидении – это военные репортажи. И – ты заметил? – делают их одни и те же репортеры, говорят с серьезным, убежденным видом о той или другой заварушке на фоне свиста пуль и выщербленных развалин – и все, чтобы проверить, насколько они храбрые.

– Ты завидуешь. – Я улыбнулся.

– Я страшно устаю иногда от этих ток-шоу со знаменитостями, даже если они нравятся.

Ты не скучаешь по скорости?

– Каждый день.

– Ты чуть ли не единственный меня понимаешь. Никто другой не может понять, что слава не заменит риска.

– Зависит от того, чем рискуешь.

«Например, руками, – подумал я. – Можно рисковать руками».

– Удачи, «горячая линия», – сказал Эллис.

Удача была нужна владельцам двухлеток. Мой телефон непрерывно звонил весь вечер и всю ночь, когда я приехал домой после дерби, но все звонки были от людей, которые наслаждались своими страхами. Луна освещала тихие поля, на которых не было ни одного чистокровного жеребца-двухлетки, ни одного пони, потерявшего ногу.

Потом интерес схлынул и сошел на нет. Был двенадцатый день после дерби, последний вечер Королевских скачек в Эскоте, когда раздался сигнал тревоги.

Глава 4

В понедельник после дерби я занялся копанием в куче намеков и предположений и, даже не поговорив с самой леди, давшей рекомендательное письмо (что вряд ли было бы полезно), обнаружил достаточно, чтобы позвонить этому тренеру и дать ему совет.

– Она хочет избавиться от него, не рискуя навлечь на себя обвинения в нечестности, – сказал я. – Он украл из ее дома какую-то мелочь, которая прошла через несколько рук и вернулась в местный антикварный магазин. Она не может признаться, что это ее вещи. Владелец антикварного магазина скулит, что невиновен. Леди четко сказала, что не будет пытаться преследовать судебным порядком своего слугу, если он уйдет сам. Ее рекомендация входит в условия сделки. Слуга регулярно посещает местную букмекерскую контору и играет на скачках. Хотите нанять его?

– Черта с два.

– Я напишу рапорт и перешлю вам, – сказал я ему. – Занесите его в раздел «Работа с персоналом». Можете получить за это налоговую скидку.

Он сухо рассмеялся:

– Когда тебе понадобится рекомендация, я напишу ее под присягой.

– Может, еще не понадобится, – сказал я. – Но заранее спасибо.

Я звонил из гаража станции техобслуживания по пути домой. Был уже сумрачный вечер, но, когда я добрался до Пойнт-сквер, стало еще темнее. Меня ждали две переданные по факсу страницы, которые я прочитал, не присаживаясь, и все мысли о стакане скотча растворились в недоверии и предчувствии несчастья.

Факс был от Кевина Миллса. «Не знаю, зачем тебе нужны имена великих мира сего, – написал он, – но, поскольку я обещал, вот тебе список гостей, которых „Топлайн фудс“ пригласила на ланч в Эйнтри накануне Большого национального».

Как я и ожидал, в списке значилось имя гневного ланкаширского фермера. Но меня морально убило имя в начале списка.

Там значилось: «Почетный гость – Эллис Квинт».

Все сомнения, которые я гнал от себя, нахлынули с новой силой. Я не мог поверить, что это Эллис покалечил – и тем заведомо убил – пони и трех молодых скаковых лошадей. Только не Эллис! Нет! Это невозможно.

Ведь должны были существовать десятки других людей, которые знали, где найти всех четырех животных – беззащитных, без охраны. Было глупо придавать значение невероятному совпадению. И все же я вытащил свою таблицу из ящика и очень маленькими буквами, как будто хотел умалить смысл этого факта, вписал в каждую клетку графы «Кто знал о доступности жертвы» немислимые слова: «Эллис Квинт».

В графе «Мотивы» клетки оставались пустыми. Не было никакого видимого рационального мотива. Зачем выкалывать глаза пони? Зачем отслеживать незнакомого человека и писать письмо отравленными чернилами? Зачем мучить и убивать детей, записывая на пленку их крики?

Я написал «самоудовлетворение», но этот мотив казался незначительным. Сумасшествие? Психоз? Непреодолимая тяга к бесцельному, безжалостному разрушению?

Это не походило на того Эллиса, которого я знал. На человека, с которым я состязался на скачках, с которым смеялся и с которым мы много лет были близкими друзьями. Нельзя знать другого человека так хорошо и все же не знать совсем.

Или можно?

Нет.

Неотступные мысли не давали мне уснуть всю ночь, и утром я отослал Линде Фернс ее чек обратно.

«Я не продвинулся в расследовании, – написал я. – Весьма сожалею».

Через два дня тот же самый чек вернулся ко мне.

«Дорогой Сид, – писала в ответ Линда, – оставьте эти деньги. Я знаю, что однажды вы поймаете этих подонков. Я не знаю, что вы сказали Рэчел, но она повеселела, и после вашего визита на прошлой неделе ей перестали сниться страшные сны. За одно только это я должна заплатить вам вдвое больше. С любовью, Линда Фернс».

Я отложил чек в ящик, покончил с бумажной работой и пошел на свою обычную тренировку по дзюдо.

Дзюдо, которым я занимался, – это тонкое искусство самозащиты, изменение равновесия за счет собственного движения нападающего, чтобы одолеть его. Дзюдо – это ритм, рычаг, скорость и иногда – воздействие на болевые точки, но, насколько я знал, всегда штука тихая. Крики и удары карате, хлопанье по матам ради выражения агрессии мне никогда не нравились и были не нужны. Я не стремился к физическому превосходству. Я не затевал драк. С покалеченной рукой, жокейским весом и ростом в пять футов шесть дюймов мне нужно было только выживание.

Я проделывал привычные упражнения, думая о другом. В лучшем случае мое знание дзюдо было моральной опорой. От многих опасностей нельзя спастись умением бросить нападающего через плечо.

Меня не оставляли мысли об Эллисе.

Я ошибся. Конечно же, я ошибся.

Все знали его в лицо. Он не мог рисковать, что увидят, как он крадется ночью к пастбищу, вооруженный чем-то вроде мачете.

Но он устал от известности. «Слава не заменит опасности», – сказал он. Ему было мало того, что он имел.

И все-таки... *он не мог.*

Спустя неделю после дерби я поехал на четыре дня в Эскот, покрутился там, повосхищался лошадьми и экстравагантными женскими шляпками. Я должен был получить от этого наслаждение, как обычно. Но вместо этого я чувствовал себя так, как будто передо мной разворачивался бессмысленный фарс, танцы над бездной.

Эллис бывал там каждый день и, конечно же, разыскал меня.

– Как дела, «горячая линия»?

– «Горячая линия» молчит.

– Так, значит, ты здесь для того, чтобы напугать своего торговца лошадиными ногами? – с дружеской иронией спросил он.

– Надеюсь на это.

– А что, если он просто не сможет удержаться? – спросил Эллис.

Я повернулся и посмотрел ему в глаза:

– Я поймаю его.

Он улыбнулся и отвел взгляд:

– Все знают, что ты ловко справляешься с такими делами, но готов поспорить...

– Не спорь, – прервал его я. – Не спорь, это не к добру.

Кто-то подхватил его под руку, требуя его внимания. Он хлопнул меня по плечу и сказал с обычной приветливостью:

– До встречи, Сид.

Его увлекли в сторону, а я не мог поверить, *я не мог* поверить, что он сказал мне *зачем*, даже если не сказал *как*.

«Что, если он не сможет удержаться?»

Можно ли совершать бессмысленные жестокости помимо собственной воли?

Нет...

Да, можно, и да, так часто бывает.

Но только не Эллис. Нет, не Эллис.

Алиби, подумал я, отыскивая рациональный выход. Я выясню, где был Эллис в те ночи, когда происходили нападения на лошадей. Я смогу подтвердить, к своему удовольствию, что это не он, что у меня нет подозреваемых вообще и я никогда не отыщу этих подонков. И со спокойной душой запишу себе поражение.

В пять тридцать на следующее утро после Золотого кубка в Эскоте я проснулся от телефонного звонка и услышал в трубке взволнованный высокий женский голос:

– Я хочу поговорить с Сидом Холли.

– Вы с ним говорите, – ответил я, заставляя себя сесть и щурясь на часы.

– Что?

– Вы говорите с Сидом Холли. – Я сдержал зевоту. Черт побери, полшестого!

– Но я звонила в «Памп» и просила «горячую линию»!

Я терпеливо объяснил:

– Они переадресовывают звонки прямо мне. Так что вы разговариваете с Сидом Холли.

Чем могу вам помочь?

– Боже, – растерянно выдавила она. – У нас жеребец с отрезанной ногой.

У меня перехватило дыхание.

– Где вы?

– Дома. Ох... то есть в Беркшире.

– А точнее?

– Комб-Бассет, к югу от Хангерфорда.

– И... э-э-э... Что у вас делается?

– Всеобщий плач и стенания.

– А ветеринар?

– Я только что ему позвонила. Он едет.

– А полиция?

– Они кого-то послали. Но мы решили, что лучше позвонить вам.

– Да, – ответил я. – Я сейчас же приеду, если вы не против.

– Для этого я вас и побеспокоила.

– Тогда как вас зовут? Ваш адрес?

– Бетти Брэккен, Мейнор-хаус, Комб-Бассет. – Она спотыкалась на каждом слове, как будто не могла вспомнить.

– Пожалуйста, – сказал я, – попросите ветеринара не отвозить ни жеребца, ни ногу на живодерню, пока я не приеду.

– Я постараюсь, – отрывисто пообещала она. – Бога ради, скажите мне почему? Почему наш жеребец?

– Я приеду через час.

Что, если он не сможет удержаться...

«Пусть это будет не Эллис», – подумал я. Пусть это окажется делом рук какого-нибудь несчастного психа, движимого собственным больным подсознанием. Эллис был бы способен контролировать такие порочные побуждения, даже если бы они у него были.

Пусть это будет не Эллис.

Кто бы это ни был, его надо остановить, и я остановлю его, если смогу.

Я побрился в машине, держа бритву на батарейках в руке, действующей от батареек, и преодолел восемьдесят миль по относительно пустынному шоссе М4 с такой скоростью, что стрелка спидометра дрожала там, куда я редко ее загонял. Антирадар молчал. Ну и хорошо.

Было прекрасное июньское утро, ясное и свежее. Я въехал в ворота Мейнор-хауса, поставил машину и ровно в шесть тридцать вошел в дом, за открытой дверью которого были суета, громкие голоса и всеобщий плач и стенания.

Женщина, которая звонила, бросилась ко мне, едва увидела. Она была вне себя от волнения.

– Сид Холли? Благодарение Богу. Хоть один разумный человек в этой компании.

Компания состояла из двух полицейских в форме и толпы людей, которые впоследствии оказались родственниками, соседями и просто любопытными, а также полудюжины собак.

– Где жеребец? – спросил я. – И где его нога?

– В поле. Там ветеринар. Я сказала ему, чего вы хотите, но это упрямый шотландец. Бог знает, будет ли он ждать, сварливый старый черт. Он...

– Покажите мне, где это. – Я резко прервал ее излияния.

Она заморгала:

– Что? Ах да. Идите сюда.

Она быстро провела меня через дом какими-то дальними коридорами, напомнившими мне Эйнсфорд, да и любой старый дом, который был построен в расчете на слуг. Мы прошли через комнату с оружием, комнату с цветами, с пылью и наконец вышли через заднюю дверь во двор, заставленный мусорными ящиками. Оттуда через зеленые деревянные ворота она повела меня садом вниз по дорожке к стальным решетчатым воротам. Я начал уже думать, что мы заблудились, когда неожиданно впереди оказалась дорожка, заставленная машинами, и примерно десяток человек возле загона.

Моя провожатая была высокой худой женщиной лет примерно пятидесяти, она была одета в старые плисовые брюки и оливковый шерстяной свитер. Ее неприбранные седеющие волосы свисали на высокий лоб. Она не заботилась о том, как выглядит, и у меня сложилось впечатление, что она относится к тем женщинам, для которых внешний вид вообще мало значит.

Она замедлила шаг. Люди, опиравшиеся на ограду загона, выпрямились:

– Доброе утро, миссис Брэккен.

Она машинально кивнула и провела меня в ворота, которые один из них распахнул перед нами.

За воротами, примерно в тридцати шагах, стояли еще двое мужчин, мужеподобная женщина и трехногий жеребец. Все, за исключением жеребца, жестами и позами выражали нетерпение.

Один из мужчин, высокий, седой, в очках в черной оправе, сделал пару шагов нам навстречу.

– Миссис Брэккен, я сделал то, что вы хотели, но уже поздно помогать вашему бедному малышу. А вы, должно быть, Сид Холли, – сказал он, глядя сверху вниз, как с горы. – Вы здесь мало что можете сделать.

Он коротко пожал мне руку, как будто не одобрял этого обычая.

Он говорил с сильным шотландским акцентом, а манеры у него были как у человека, привыкшего командовать. Другой человек, стоявший позади него, совершенно незаметный, оставался молчаливым наблюдателем.

Я подошел к жеребцу. Он посмотрел на меня спокойными ясными глазами, без тени испуга. Я провел рукой по его носу, тихо уговаривая его. Он мотнул головой вниз и снова вверх, как будто поздоровался. Я позволил ему обнюхать мою руку. Потом погладил его по шее. Шкура была сухой – ни боли, ни страха, ни смутения.

- Он под наркозом? – спросил я.
- Мне нужно взять кровь на анализ, – сказал шотландец.
- Который вы, конечно, сделаете?
- Конечно.

По лицам другого мужчины и женщины можно было сказать, что они и не заходили в мыслях так далеко.

Я обошел жеребца и присел, чтобы поближе посмотреть на его бабку. Я провел рукой по его ноге сверху вниз, ощущая расслабленные мышцы там, где должны быть тугие сухожилия и связки. Очень трогательно, но обрубок был аккуратный и не кровоточил. Я согнул жеребцу колено и осмотрел место разреза. Он был сделан чисто, не было видно осколков костей, как будто это сделал шеф-повар, привыкший пользоваться специальным ножом.

Жеребец дернул коленом, освобождаясь от моей хватки.

Я встал.

- Ну? – с вызовом спросил шотландец.
- Где его нога?
- Вон там, за поилкой. – Он сделал паузу и, когда я уже поворачивался, вдруг добавил: – Ее нашли не там. Это я ее туда положил. А нашли ее первыми бродяги.

– Бродяги?

– Да.

Миссис Брэккен, присоединившаяся к нам, пояснила:

– Каждый год в июне в одну из суббот все местные туристские клубы выходят гулять по дорогам в этой части графства, чтобы по закону сохранить сюда открытый доступ.

– Если бы они оставались на дорожках и тропках, – проворчал шотландец, – так и были бы в своем праве.

Миссис Брэккен согласилась:

– Они приводят с собой своих детей и собак, устраивают пикники и вообще ведут себя так, как будто это место им принадлежит.

– Но... когда они нашли ногу вашего жеребца?

– Они снялись вскоре после восхода, – угрюмо сказала миссис Брэккен. – В середине июня это примерно в полпятого утра. Они собрались до пяти, когда еще было холодно, и сначала пошли через мои владения, а в дверь они забарабанили в пять пятнадцать. Трое детей были в истерике, а мужчина с бородой и длинными волосами кричал, что обвиняет элиту. При чем здесь элита? Один из этих туристов позвонил газетчикам и каким-то ненормальным защитникам прав животных, и приехала полная машина этих активистов с плакатом «Запретить скачки». – Она закатила глаза. – Я в отчаянии. Потерять чудесного жеребца само по себе тяжело. Но они превратили это в цирк.

Я пошел к поилке посмотреть на ногу, которая лежала позади нее. Вокруг были рассыпаны кусочки конского корма. Я нагнулся и без особенных эмоций поднял ногу.

Я не видел других отсеченных ног. По правде сказать, я думал, что реакция людей была преувеличена. Но сам этот обрубок, с выступающей оконечностью кости, хрящами и отверстиями кровеносных сосудов, это уничтоженное чудо анатомического изящества, помог мне понять ярость и горе всех владельцев.

Копыто было подковано – небольшой легкой подковкой для молодых лошадей, которая защищает их передние ноги на пастбище. Десять маленьких гвоздиков удерживали ее на копыте. Эта подкова как бы говорила: цивилизация заботится о копытах жеребят, а варварство губит их.

Я всегда любил лошадей. Объяснить близость, которая возникает между лошадьми и теми, кто заботится о них или ездит верхом, тяжело. Лошади живут какой-то параллельной жизнью, говорят на параллельном языке, у них свои инстинкты, они лишены людских поня-

тий доброты или вины и позволяют прикоснуться к необузданному, таинственному состоянию духа. Великий бог Пан живет в скаковых лошадях. Опасно рубить ему ногу.

На более прозаическом уровне существования я положил ногу обратно на землю, отцепил от пояса сотовый телефон и, заглянув в его электронную записную книжку, позвонил своему другу-ветеринару, который работал хирургом в больнице для лошадей в Ламборне.

– Билл? Это Сид Холли.

– Давай спи, – отозвался он.

– Проснись. Сейчас шесть пятьдесят, а я нахожусь в Беркшире, и у нас тут двухлеток с отрубленной ногой.

– Господи. – Он сразу проснулся.

– Я хочу, чтобы ты взглянул на него. Что бы ты посоветовал?

– Как давно это случилось? Есть ли возможность пришить ногу?

– Это произошло не меньше трех часов назад. Может, больше. Никаких признаков ахиллесова сухожилия. Оно сократилось и ушло внутрь. Сама ампутация прошла через сустав.

– Одним ударом, как и остальные?

Я запнулся:

– Я не видел другие.

– Тебя что-то смущает?

– Я хочу, чтобы ты посмотрел, – сказал я.

Я и раньше сотрудничал с Биллом Раскином, и нас связывала дружба, которая оставалась неизменной, даже если мы подолгу не встречались.

– Вообще в каком состоянии жеребец?

– Спокойный. Не заметно, чтобы ему было больно.

– Владелец богат?

– Похоже на то.

– Спроси, доставит ли он жеребца – вместе с ногой, разумеется, – сюда?

– Она, – поправил я. – Я спрошу.

Миссис Брэккен замороженно смотрела на меня, когда я излагал ей это предложение, и слабо выговорила: «Да!»

– Найдите стерильную хирургическую повязку и наложите на ногу, – проинструктировал Билл. – Отрубленную ногу тоже заверните в стерильную повязку, оберните в полиэтилен и положите в ведро со льдом. Она чистая?

– Ее нашли какие-то прохожие утром.

Он застонал.

– Я высылаю машину. Куда?

Я объяснил, где нахожусь, и добавил:

– Тут у нас ветеринар-шотландец, который торопится поскорее забить жеребца. Уговори его.

– Дай ему телефон.

Я вернулся к тому месту, где был жеребец, объяснил, с кем предстоит говорить ветеринару, и передал ему телефон. Шотландец нахмурился. Миссис Брэккен снова и снова повторяла: «Все, что угодно!» Билл уговаривал.

– Очень хорошо, – наконец холодно сказал шотландец. – Но поймите, миссис Брэккен, что ваш жеребец не сможет скакать, даже если операция пройдет успешно, что очень и очень сомнительно.

– Я не хочу потерять его, – просто ответила она. – Он стоит того, чтобы попытаться.

Шотландец, надо отдать ему должное, немедленно наложил стерильную повязку на рану и завернул обрубок. Толпа, облепившая загон, с интересом наблюдала. Мужеподобная дама, которая держала жеребца, успокаивала его, негромко напевая. По ее обветренным щекам ска-

тилось несколько слезинок. Наконец мы с миссис Брэккен вернулись в дом, где было по-прежнему шумно. Любопытствующие шатались, кажется, по всему первому этажу и оценивали возможность проникнуть наверх. Миссис Брэккен в отчаянии схватилась за голову и сказала:

– Пожалуйста, уйдите все.

Но ее никто не услышал.

Я попросил одного из полицейских:

– Не могли бы вы крикнуть им погромче?

Наконец большая часть толпы удалилась, и в комнате осталось пять или шесть человек, три собаки и куча пластиковых стаканчиков, испятнавших влажными следами старинные полированные столы. Миссис Брэккен, как лунатик, ходила и собирала эти стаканы с одного места, чтобы тут же переложить их на другое. Я люблю аккуратность и не смог удержаться – взял корзину для бумаг и пошел за ней следом, забирая стаканы и складывая их в корзину.

Она рассеянно посмотрела на меня:

– Я заплатила за этого жеребца четверть миллиона.

– Он застрахован?

– Нет. У меня и драгоценности не застрахованы.

– И здоровье?

– Конечно нет.

Она окинула комнату невидящим взглядом. Пять человек сидели в креслах, не помогая и не оказывая поддержки.

– Не сделает ли кто чаю? – спросила она.

Никто не шевельнулся.

– Эстер не начинает работу раньше восьми, – объяснила мне миссис Брэккен.

– Мм... А... кто есть кто? – спросил я.

– Господи, ну конечно. Как невежливо с моей стороны. Это мой муж. – Ее взгляд с любовью остановился на лысом старике, который выглядел так, как будто ничего не понимал. – Он глухой.

– Вижу.

– А это моя тетя, которая большую часть времени живет здесь.

Тетя была старой и эгоистичной, помощи от нее ждать не приходилось.

– Наши жильцы. – Миссис Брэккен указала на флегматичную пару. – Они снимают часть дома. И мой племянник.

Даже хорошие манеры не помогли ей скрыть раздражение, отразившееся на лице и проскользнувшее в голосе при последних словах. Племянник был подростком с безвольным ртом и плохой осанкой.

Никто из этой беспомощной компании не был похож на соучастника в нападении на безобидное животное, даже этот недовольный мальчишка, который пялился на меня так, как будто требовал, чтобы его заметили. Здесь было нечто большее, чем простое любопытство, но взгляд не выражал, насколько я мог заметить, ни агрессии, ни страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.